

АЛЬБЕРТ БРАХФОГЕЛЬ

ЛЮДОВИК XIV

Всемирная история в романах

Альберт-Эмиль Брахфогель

Людовик XIV, или Комедия жизни

«ВЕЧЕ»

1870

Брахфогель А.

Людовик XIV, или Комедия жизни / А. Брахфогель — «ВЕЧЕ», 1870 — (Всемирная история в романах)

Альберт Эмиль Брахфогель (1824–1878) – немецкий драматург и романист. В 1856 году написал трагедию «Нарцисс» и тем положил начало своей известности как драматурга. Кроме того, Брахфогель – автор нескольких десятков романов, в том числе исторических. Роман «Людовик XIV, или Комедия жизни» посвящен не только жизнеописанию «короля-солнце», но и не менее выдающимся фигурам того времени. На страницах книги раскрываются тайны всемогущего кардинала Мазарини и королевы-интриганки Анны Австрийской, рассказывается о взлетах и падениях придворного писателя, великого Мольера, и, конечно же, о нескончаемых любовных похождениях Людовика, многие из которых стали причинами серьезных политических событий в Европе на протяжении целого полувека!

© Брахфогель А., 1870

© ВЕЧЕ, 1870

Содержание

Часть I	6
Глава I. Слишком рано или слишком поздно	6
Глава II. Он выдает ее замуж	14
Глава III. Пезенас	22
Глава IV. Секретарь Серасин	25
Глава V. Благие последствия юмора	36
Глава VI. Неудача госпожи Кальвимон	45
Глава VII. Счастливая чета	55
Глава VIII. Тайные желания	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Альберт-Эмиль Брахфогель

Людовик XIV, или Комедия жизни

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I

Глава I. Слишком рано или слишком поздно

Великий государственный переворот в Англии, стоивший жизни королю Карлу I, изгнавший династию Стюартов и утвердивший перед устрешенной Европой республику на основаниях самого крайнего политического протестантизма, повлек за собой такое же революционное движение во Франции – войну Фронды. Орлеанский дом, родственник Бурбонам, роды Конде, Конти, Лонгевиль, Бульон, Эльбеф, Брассак, Сен-Ибаль, Вандомы, одним словом, все знатное феодальное дворянство, ниспровергнутое и раздробленное кровавой рукой Ришелье, поспешило объединиться с парламентом и большими городами, чтобы восстать против все возраставшего королевского могущества.

Недовольство городов было вызвано различными постановлениями, преимущественно декретом о податях, а успех восстания казался тем более верным, что король Людовик XIV находился еще под опекой своей матери, ветреной и расточительной Анны Австрийской, и хитрого итальянца Мазарини. Отношения вдовы-королевы Франции и кардинала возбуждали немало толков: говорили, что последний не только вполне овладел умом и сердцем пылкой Анны Австрийской, но даже тайно обвенчался с нею и что этот скандальный брак дает ему возможность распоряжаться Францией как своей собственностью. Разврат и вероломство двора, наравне с итальяно-испанской политикой Мазарини и Анны, поддерживали ненависть дворянства, в котором, кроме того, сильно было желание воспользоваться восстанием, чтобы обогатиться и вернуть себе прежнюю власть; а парламент и города в своем стремлении к независимости хотели подражать англичанам. Таким образом началась эта ужасная междоусобная война во всех концах государства и продолжалась пять лет; она причинила величайшие бедствия и кончилась совершенным поражением дворянства. Королевская же власть вышла победительницей и приобрела несравненно большее, против прежнего, значение.

Партия кардинала и Анны победила, несмотря на всю свою безнравственность и злоупотребления, победила, потому что знала, по крайней мере, чего добивалась: правительство имело известный характер, единство желаний и программу действий.

Во Фронде ничего этого не было. Мазарини защищал стабильность, мятежники – неосуществимую идею. Дворянство втянуло народ в войну, но потом стало относиться к нему как победитель к побежденному; города притеснялись и разорялись больше, чем во время какого бы то ни было из прежних правлений.

Враждебные друг другу интересы обоих сословий обнажились, несмотря на искусственную связь, существовавшую в период восстания, и союзники продемонстрировали такое предательство и такую низость, каких история еще не знала.

Фронда изначально была обречена, даже если бы у нее не было такого хитрого противника, как Мазарини, и молодого, пылкого монарха, у которого при одной мысли подвергнуться участи Карла I сердце закипало львиным гневом. Полководцы, сражавшиеся сегодня за Фронду, завтра дрались под началом короля. Кто предлагал большие выгоды, тот и имел самое многочисленное войско, а взаимное соперничество вождей превращало даже их победы в окончательные поражения. Буржуазия была общей жертвой.

Наконец в Понтуа парламент и магистрат стали умолять восемнадцатилетнего Людовика XIV «о хлебе и мире».

Он въехал в Париж вместе с Анной Австрийской, а вслед за ними – кардинал Мазарини, окруженный стражей. Война кончилась; последствия ее были ужасны! Вождей Фронды постигла горькая участь: Гастон Орлеанский, родной брат покойного короля, был сослан в Блуа

на всю жизнь; его дочь, принцесса Монпансье, защитница Бастилии, выдана замуж за гвардейского капитана. Фанатичного коадьютора Гезского, Гонди, засадили навеки в Венсенский замок, а великий Конде, герой Рокруа, Дюнкирхена, Ланса и Бленуа, бежал в Нидерланды и поступил на испанскую службу против Франции. Знатнейшие фамилии края подверглись страшной ответственности. Все трепетало под ударами королевского мщения. Людовика охранял железный Тюренн со своим громадным войском и миллионами, собранными Мазарини.

Таковы были события лета тысяча шестьсот пятьдесят четвертого года, когда начинается наш рассказ.

Недалеко от Понтонного моста, напротив Луврской галереи, у южного берега Сены, около теперешней Орзейской набережной, возвышался дом великого кардинала, которого теперь одолевали просители высшего и низшего полета. Каждого интересовала не только возможность смыть и предать забвению старые грешки, но и стать теперь, когда все начинало новое существование, чем-нибудь иным, и, если возможно, чем-нибудь высшим. Обезоруженное самолюбие обратилось в подличание. Мазарини сменил наконец гнев на милость, и прощения полились рекой. Эта неожиданная амнистия привела высшую аристократию в необычайное волнение. Она видела, что не только старые друзья, но и заклятые враги правительства могут получить большие награды; кроме того, разнесся слух, что двор снова появится в полном блеске на зимних празднествах, что даже принц Конти, генералиссимус Фронды, брат великого Конде и интриганки Лонгевиль так же, как и герцог Бульон, брат Тюренна, примирились с королем и что, наконец, кардинал предполагает выдать замуж шесть своих племянниц, пылких сестер Манчини, и синьору Мартиноци, которую он привез с собой из Седана. Эти красавицы тем более возбуждали общий интерес, что всем были известны пламенная любовь юного короля к Мариетте Манчини и меры, которые Мазарини, с опасностью для себя, должен был принять, чтобы помешать их тайному браку.

Золоченые кареты стоят у подъезда итальянской эминенции¹. Стража на лестницах и в коридорах; знатный люд в отдаленной приемной; шепот дежурных кавалеров и пажей – все указывает на утреннюю аудиенцию. В кабинете у окна, перед столом с бумагами, мы действительно видим Мазарини: он выслушивает доклад двух министров, а секретарь подает ему бумаги на подпись.

Кардиналу уже без малого пятьдесят лет. Его стройная, все еще гибкая фигура облачена в узкую шелковую рясу фиолетового цвета и подпоясана таким же фиолетовым кушаком.

На плечах – белая пелерина, а на голове – фиолетовая шапочка. Его еще черные, но жидкие волосы, маленькие усы и бородка, иронические глаза, благородный овал и немного смуглый цвет слегка насмешливой физиономии являют образ никогда не смущавшегося дипломата, ученика Макиавелли.

Один из докладчиков – Летелье, военный министр, другой – аббат барон Фуке, министр финансов. Доклад их касается одного предмета, и они взаимно дополняют друг друга. Секретаря кардинала зовут Батистом Кольбером, и хотя недавно еще он был простым приказчиком, но теперь уже получил титул маркиза де Сегнелея. Первые два – ловкие орудия кардинала, но Кольбер – его поверенный, управляющий его громадными имениями, великие способности которого, наравне с собственным умом кардинала, помогли последнему занять прежнее положение и сказать: «Я снова управляю Францией».

Во время доклада Кольбер с самым невозмутимым видом подает кардиналу заранее подготовленную записку. Мазарини, прочитав ее, взглядывает на своего приближенного с некоторым удивлением. Тот отвечает наклоном головы, и кардинал не может скрыть улыбки.

– Хорошо, – сказал он, когда Летелье и Фуке наконец закончили, – ассигнование денег и расквартирование полков в Лангедоке вполне удовлетворяют меня.

¹ Эминенция (лат.) – почетный титул кардиналов.

Он подписал бумаги.

– Позаботьтесь только, чтобы все было кончено, когда принц Конти появится на юге. Я желаю немедленного исполнения! Кольбер же должен созвать земские чины в Безьере и Монпелье, чтобы там наконец дела продвинулись вперед. Благодаря всем святым мы сможем таким образом защитить Русильон, Лангедок и Прованс от Испании, а наши войска в Арагоне тоже стоят под прикрытием. Тюренн, конечно, сумеет справиться с Конде в Нидерландах. Германия хромает как всегда, когда мы этого хотим, но во всяком случае, она продажна. С Англией можно примириться, и мы наконец будем в состоянии подумать об облегчении зла, порожденного в стране этим нечестивым восстанием. Велите начальнику полиции явиться сегодня на вечернюю аудиенцию. Нужно наблюдать за герцогиней Лонгевиль и Нинон, потому что эти честолюбивые женщины-политики никогда не успокоятся. В особенности Сен-Марсан, гостеприимством которой де Ланкло слишком долго пользуется. Она до сих пор поддерживает отношения с Гастоном Орлеанским и герцогом Карлом Лотарингским, – я это знаю, но хочу еще посмотреть, чем все это кончится.

Ну, довольно на сегодня.

Он протянул свою руку министрам; они поцеловали ее, поклонились и вышли из кабинета в боковую дверь.

– Что ты думаешь о записке Жермина, о его сообщении и значении того предложения, которое думает мне сделать сегодня принц Валлийский?

Кольбер, отошедший к ближайшему окну и смотревший на улицу, медленно обернулся.

– Мне кажется, что лорд Жермин не очень-то одобряет свадебный проект принца. По крайней мере странно, что кавалер, принадлежащий ко двору английской королевы-вдовы, возвещая нам визит наследника престола, в то же время решается объявить, что последний поддерживает любовную связь с Барбарой Палмер, сестрой милорда Вильерса.

– Это доказывает его нежную заботу о благе моей фамилии.

– Его фамилии, хотите вы сказать, монсеньор.

– Я той не знаю!

– Как, вы не знаете, что при королевском дворце Стюартов в Сен-Коломбо лорд Жермин – первое лицо, квази-король, а Генриетта вступила с ним в те отношения, которые ведут свое начало от Адама и Евы?

– Не понимаю, как ты веришь подобной сплетне! Не осмеливались ли говорить такой же вздор про меня и королеву-вдову Анну во время волнений?

Мазарини бросил пылающий взгляд на секретаря.

– Я ничего не утверждаю, эминенция; я только указываю на этот факт, предполагая, что он касается ваших интересов. Но во всяком случае я не могу помешать моему разуму наблюдать, а бедной своей голове выводить из этих наблюдений заключения. Полагаю, что это не должно быть никому неприятно...

– Что же говорят тебе твои наблюдения и какие заключения ты выводешь?

– Я думаю, что если знатная дама, даже королева, которая так высоко стоит над всеми окружающими, перед одним из них, и постоянно перед одним и тем же, робко потупляет глаза, если все жесты, взгляды, слова обличают их тесную связь, то естественно предположить, что тут не отношения господина и вассала.

– Что же из этого следует?

– В таких отношениях находится мадам Генриетта Английская с милордом Жермином и в таких же...

Кольбер медлил.

– Кто еще? – вскричал кардинал, бледнея.

– Этот и та.

И Кольбер учтиво поклонился.

– У тебя странные мысли! Если все это существует между Жермином и королевой Генриеттой, то относительно этого и той ты заблуждаешься! Кольбер, мое влияние велико, но что народная молва ложно толкует мои отношения с королевой-матерью, лучше всего доказывается тем, как бессилён я был исполнить горячее желание его величества – выдать за него мою племянницу Мариетту. Эта гордая королевская мать скорее допустила бы, чтобы Людовик проколол меня мечом, когда я вырвал у него Мариетту перед алтарем, чем дала бы свое материнское благословение на этот брак. Ещё прежде, в присутствии Тюренна, она объявила, что если этот брак состоится помимо ее воли, она с войском покинет Париж, призовет принца Филиппа Анжуйского на французский престол и не закончит войны против Людовика и меня, пока окончательно не уничтожит нас. Сделала бы это женщина, которая, по мнению народа, принадлежит мне, которая...

Секретарь преспокойно положил свою руку на шелковый рукав взволнованной в высшей степени эминенции и проговорил:

– Именно поэтому!

Кардинал отшатнулся, как будто его коснулось раскаленное железо.

– Именно поэтому! – повторил Кольбер. – Но умоляю вас, эминенция, успокойтесь! Разве я народ или судья, что вы должны оправдываться передо мной?

– Но ты ведь умный, добросовестный человек, который должен наконец понять всю бессмысленность этой связи, а между тем ты же восклицаешь: именно поэтому! Почему же? Говори, я хочу знать! Черт меня побери! Я хочу знать все! Между нами не должно быть недо-молвок!

– Почему?... Я назову вам одно имя.

Он подошел ближе к кардиналу и прошептал: «Мархиали!». Мазарини со стоном упал в кресло, которое служило ему до тех пор опорой во время разговора; он с отчаянием прижал руки к пылающему лицу, и две слезы выкатились из-под его белых пальцев. Наступила тяжелая пауза...

– Каким образом, – наконец проговорил кардинал, – каким образом мог ты узнать об этой ужасной тайне моей жизни, которая медленно уничтожает меня?

Лицо секретаря приняло мягкое, сострадающее выражение.

– Зачем вы принуждаете меня говорить? Я вовсе не хотел напоминать вам об этом.

– Но ты должен теперь все сказать мне, иначе твоя преданность будет ложью, твоя честность – лицемерием. Говори, что ты знаешь про меня, про эту связь, про... про то, что ты так предательски назвал?!

– В таком случае позвольте мне, ваша эминенция, рассказать коротенькую детскую историю.

Мазарини вздрогнул. Он был очень бледен и кивнул.

– Это было в сорок пятом году. Незадолго перед моим поступлением в бюро Летелье я был управляющим вашим имением, и осенью, именно пятого октября, вы, взяв с меня клятву молчать, объявили, что нужно скрыть от света проступок одной придворной дамы. Вы приказали мне подъехать в сумерки в собственной карете к третьей, задней двери Лувра, и служить провожатым одной женщине, которую нужно было отвезти в монастырь Феррета. Я повиновался. Какая-то особа с косыми глазами ввела меня в Лувр, куда я входил в первый раз. Меня заставили ждать в полуосвещенной передней. Проводница моя пошла вперед и отворила дверь в очень маленький, ярко освещенный кабинет. Мне удалось бросить туда только несколько мимолетных взглядов, но и этого было достаточно.

– Что ты увидел?!

– Королеву Анну в постели! Плотнo укутанная особа подала ей что-то на белой подушке, обернутое в зеленое меховое одеяло, и королева порывисто поцеловала это что-то. Дверь затворилась.

Мазарини встал и тяжело вздохнул.

– Несколько минут спустя из кабинета вышла косая женщина, неся на руках ту же подушку или пакет; другая женщина в дорожном платье, с закрытым лицом следовала за нею.

Обе уселись со мной в карету, и мы покатали по улице Гоноре к монастырю Феррета.

– Что же ты заключаешь из всего этого? – с горько-презрительной усмешкой спросил кардинал.

– Ничего более, как то, что ее величество поцеловала пакет в меховом одеяле и притом сочла необходимым лечь в постель уже в шесть часов вечера. Сначала мы ехали совершенно молча. Вдруг близ Курбуа, вероятно, вследствие поцелуя ее величества королевы-вдовы, пакет в зеленом одеяле начал кричать!

– Анафема!

– Это было очень неприятно, тем более неприятно, что малютка высовывал очень длинный язык. Он был, видимо, голоден. Женщина с закрытым лицом покормила его. Все это сначала приводило косую в большой страх и замешательство, но узнав, что я новый управляющий вашей эминенции, она стала очень доверчивой. «Мальчик это или девочка?» – спросил я, чтобы что-нибудь сказать». – «Мальчик, – отвечала косая, – если его эминенции угодно будет еще раз спросить об этом».

– Она осмелилась это сказать?

Кольбер кивнул.

– «Дали ли уже имя ребенку?» – опять спросил я. «Без сомнения! Спросите только монсеньора. Или, лучше, будьте умны, не делайте этого! Напротив, при случае разыграйте роль моего свидетеля, и мы можем получить от этого в будущем большие выгоды. Ребенка зовут Мархиали». Это говорила мне госпожа Бове, доверенная королевы, но я только впоследствии узнал, что это была она.

– О, дьявольское создание, она еще будет причиной нашей гибели! Ей нужно зажать рот и держать в золотой клетке!

Ну, хорошо, я сознаюсь, что это был проступок королевы-вдовы, о котором я и Бове одни знаем: отец ребенка умер!

– Я не хочу притворяться, эминенция, будто верю вам, и еще менее – будто ничего не знаю. Во мне нет никакого желания вникать в сущность тех вещей, которым гораздо лучше оставаться неизвестными, и я позволил себе заговорить о них только в присутствии моего господина и благодетеля. Но тем не менее эта тайна такого свойства, что невольно над ней призадуматься. Мне кажется, что, если б в совершенном проступке виновна была одна королева-вдова, она бы непременно позволила молодому королю жениться на синьоре Мариетте; она пожелала бы хотя бы этим искупить перед вами и Францией свой вдовый позор. Но она действовала совершенно наоборот! Ей ничего не стоило в присутствии Тюренна объявить вам свое решительное несогласие на этот брак; мало того, она скорее допустит, чтобы второй сын занял королевский престол вместо первенца, скорее пойдет войной на вас и на Людовика, чем когда-либо согласится назвать Мариетту Манчини своей дочерью!

– Я никогда не прощу этого вероломной гордячке!

Но почему она так поступила?

– Потому что ей не хотелось во второй раз вступать с вами в близкое родство! Проступок этот меньше позорил ее, королеву-вдову, чем вас, ее сообщника и представителя всего духовного сословия; этот проступок не страшил ее, так как она была уверена в вашем молчании! Если Мариетта не носит короны Франции, если, заглушив свою единственную любовь, она должна была выйти против воли за нелюбимого человека, если прелестные девушки должны были жертвовать своими разбитыми сердцами – всему этому виной одно имя, одна идея, один ужасный призрак – «Мархиали». Остерегайтесь того, который носит его имя!

Кольбер говорил с волнением; кардинал слушал его с ужасом. Все страсти бушевали теперь в сердце Мазарини.

– Нет, нет, мне не нужно будет жертвовать всеми.

Моя любимица Марианна Мартиноци будет счастлива с принцем Конти, а принц Валлийский любит Гортензию Манчини. Он каждую минуту может явиться сюда со своим предложением, и никто не помешает мне отдать ее за него. Если Мариетте не выпала корона Франции, то Гортензия может носить корону Англии. Что ты на это скажешь?

– Конечно, может, если только вы прикажете; она, вероятно, и не заставит себя очень просить. Но...

– Но что же еще?

– Ей придется ждать довольно долго, потому что приятель наш Кромвель обладает очень крепким здоровьем. Вам поэтому надо будет дать ей в приданое по крайней мере шестьдесят фрегатов и восемьдесят тысяч солдат! Не слишком ли это дорого для этой любви, которую, как нам сообщили, королева Гортензия должна будет еще разделить с леди Барбарой Палмер?

Кардинал задумчиво ходил взад и вперед по комнате.

– Так отказать?

– Зачем отказывать? Дипломаты никогда не отказывают! Это значит повредить будущему. Кто может уже теперь предусмотреть все случайности?

– Так какая же, по-твоему, причина, по которой Жермин может не одобрить этого брака, если он, как говорят, тайно предан королеве-матери?

– Я полагаю, что ему гораздо выгоднее видеть Карла Второго неженатым. Во Франции он всегда может считаться вторым супругом королевы-матери Генриетты и быть ее полным властелином; в Англии же его особа возбудит только общее презрение и будет лишена всякого влияния.

Секретарь торопливо подошел к окну.

– Станный ты человек! В чем заключается это влияние? Не в командовании ли несчастным псевдодвором Сен-Коломбо и пожилой дамой, живущей на французскую пенсию?

– О, Жермин не совсем глуп, эминенция. Кто знает, какие честолюбивые надежды удерживают его здесь. У королевы Генриетты – дочь, а у королевы Анны – два сына! Принц идет!

Кольбер отошел от окна.

– Кто с ним?

– Экс-канцлер и лорд Жермин.

Легкий стук в дверь прервал разговор. Камергер вошел в комнату.

– Его королевское высочество принц Карл Валлийский просит частной аудиенции по личному, очень нужному делу.

– С удовольствием, Фонтане.

Кардинал, улыбаясь, вышел на середину комнаты.

Кавалер отворил дверь, и вошел старший сын и наследник казенного английского короля Карл Стюарт II. Ему было не более двадцати четырех лет; манеры очень изящны; простота и приятность. Лорд Хиде, экс-канцлер, и уже вышеупомянутый таким недобрым словом Генрих Жермин, граф д'Альбано, крепкий стройный мужчина средних лет, следовали за ним.

– Ваше королевское высочество доставляете мне большое удовольствие своим визитом; я заключаю из него, что дело касается государственного вопроса.

– Дело мое касается наших личных, но вместе с тем и государственных интересов, эминенция; оно вполне одобрено ее величеством моей матерью и составляет предмет моего пламенного желания.

– Я был бы совершенно счастлив служить вам, принц, насколько мои обязанности в отношении Франции позволяют мне это.

– О Франции тут и речи нет. В этом деле вы один все можете, потому что оно касается вашего семейства; вам стоит только сказать «аминь» и дать свое благословение. Одним словом, я давно уже питаю глубокое уважение и страстную любовь к синьоре Гортензии Манчини, благородной племяннице вашей эминенции, и прошу теперь же, с согласия королевы-вдовы Англии, ее руки. Дом Стюартов может выразить вам свою горячую признательность и достойно оценить Гортензию, только предложив ей разделить со мною английский престол. Я убежден, что синьора разделяет мои чувства.

– Я действительно заметил ваше милостивое внимание к моей племяннице, ваше высочество, но считал это за одну только любезность с вашей стороны и даже не подозревал, что ваши намерения простираются так далеко. Если же это должно случиться именно теперь, когда моему дому предстоит так много перемен, я сожалею об этом. Вы пришли слишком поздно или, вернее, слишком рано! Я нахожусь в страшном затруднении.

– Каким же это образом, эминенция? – Карл весь вспыхнул. – Должен ли я принять ваш ответ за отказ?

– Нисколько. Надеюсь, вы не будете сердиться на меня. Это обстоятельство настолько важно, что руководствоваться только личной страстью невозможно.

– Мне, однако, в высшей степени интересно это знать.

– Предложение ваше пришло слишком поздно, ваше высочество, потому что мой племянник и единственный наследник – Арман де ла Порт, маркиз де ла Мильерей, получил мое согласие на брак с Гортензией.

– Но не согласие самой Гортензии...

– Можно обнадеживаться, но пока он его не получил, поэтому ваше предложение пришло слишком рано, не говоря уже о вас, принц...

– Я дурно понимаю противоречия, господин кардинал!

– Королевская фамилия Стюартов уже более десяти лет считается высоким гостем Франции, и я надеюсь, что, несмотря на бедствия собственной междоусобной войны, мы ничего не упустили. Несмотря на жертвы, которые родство вашего дома с Бурбонами возложило на последних, несмотря на вспомогательные войска и деньги, которыми мы щедро жертвовали вашему печальному делу, – Мазарини пожал тут плечами, – несчастный поход пятьдесят второго года уничтожил все надежды вашей династии.

– Нет, не все, эминенция, – колко вмешался лорд Хиде. – Каждую минуту может случиться победоносное восстание и оно...

– Кончится тем же, чем и прежние, господин канцлер!

– Но разве этот убийца короля и похититель престола вечно будет царствовать? Разве английский народ никогда не увидит больше своего истинного короля? – резко воскликнул принц.

– Кто же это говорит? Нет сомнения, что и Кромвель когда-нибудь умрет. Но когда? Когда меня уже не будет в живых, а вы, принц, перейдете возможный для женитьбы возраст. Лорд протектор не очень-то пожелает ради вас ускорить свою смерть, а мы слишком нуждаемся в мире, чтобы рисковать им, выдавая племянницу Мазарини за сына его умершего противника! Но я могу предложить вам средство, которое, может быть, удовлетворит нас обоих.

– Какое же?

– Я обещаю вам отсрочить на время помолвку моей племянницы с Арманом де ла Портом: Гортензия еще молода. Если Кромвель через несколько лет будет ниспровергнут и Англия призовет вас на царствование, рука Гортензии будет принадлежать вам; но только с тем условием, что вы навсегда удалите из своего кружка лорда Вильерса и его сестру, прекрасную Барбару. Моя мораль, конечно, не включает в себе ничего мещанского, но если когда-нибудь племянница Мазарини будет королевой, она не должна иметь в своей свите наложницу.

Лицо Карла Валлийского выражало сильнейшее волнение, но он не произнес ни одного слова; он сдержал себя, поклонившись с самой приветливой улыбкой, взял руку кардинала и поцеловал ее.

– Благодарю вашу эминенцию, что мои надежды только отдалены, но не окончательно разбиты. Я согласен на все ваши условия и буду как истинно влюбленный ждать, пока время исполнит мои желания.

– Дорогой мой принц, я тоже так думаю, и вы впоследствии согласитесь, что я поступил в отношении вас и Гортензии совершенно по-отечески.

– Но кто же, дозвоьте мне еще этот вопрос – кто оклеветал меня и леди Палмер перед вами?

При этих словах внезапно побледневший Жермин вскочил с места.

– О, если вас оклеветали, ваше высочество, то я по крайней мере тут ни при чем, и в доказательство передаю вам письмо, которое заставило меня поверить этому факту. Однако, позвольте надеяться, ваше высочество, что вы и ее величество не откажетесь присутствовать при бракосочетании моих племянниц Анны, Лауры и Марианны Мартиноци. – Он подал ему письмо Жермина. – Если вместо Гортензии я отдаю вам только это письмо, то вы уже видите, принц, что я умею держать свое обещание.

Принц быстро взглянул на письмо, затем обернулся к Жермину и холодно измерил его взглядом с головы до ног. Потом, поклонившись низко кардиналу, проговорил:

– Ваше приглашение, эминенция, доставит нам большое удовольствие.

Бросившись в карету со своими провожатыми, принц Карл передал полученное письмо лорду Хиде.

– Прочитайте эту эпистолу Кольберу и спрячьте ее. Вам же, милорд Жермин, имею честь объявить, что, если я когда-нибудь стану королем Англии, моим первым делом будет приказ повесить вас! Поэтому лучше уж тогда вам не показываться по ту сторону канала.

Глава II. Он выдает ее замуж

Неделя шумно пронеслась в кружках парижской знати среди блестящих празднеств по случаю бракосочетания трех племянниц кардинала, сестер Анны и Лауры Манчини и Марианны Мартиноци. Молодые скоро должны были разъехаться в разные стороны, а их величества отправиться в Сен-Жермен, до съезда аристократии в Париж, к зимним удовольствиям.

От мрачного, старого королевского дворца – местопребывания парижского парламента и французского уголовного суда – тянулась в то время длинная, дымная, не очень широкая улица Турнель и доходила до моста с тем же названием. Около этого моста стоял прежде Турнельский замок, на турнирной площади которого погиб в поединке Генрих II. Фронтоны старых однообразных домов буржуазии с их беседками и галереями, с большими жестяными щитами, которые висели высоко над улицей, подобно знаменам, составляли очень оживленную картину. Один только дом отличался если не большей красотой, то большой оригинальностью. Он невольно останавливал внимание странной архитектурой, в которой смешивались самые разнородные стили. Одна часть была выстроена во вкусе эпохи Возрождения, другая – в готическом, а третья – во флорентийском. Общий вид дома был очень мрачный и угрюмый. На стук колотушки из желтой меди дверь отворялась, и вас принимал настоящий швейцар с булавой, а другой лакей или смеющаяся горничная, взяв у вас при входе плащ и палку, вводили в обитую прекрасными вызолоченными шпалерами, богато меблированную, большую, но очень скучную гостиную, которую в зимнее время согревали два широких камина с венецианскими зеркалами. Из высоких окон гостиной виднелся веселенький молодой сад, весь в зелени.

Он тем более приятно поражал взоры, что подобное украшение редко можно было встретить. В эту гостиную вели еще две маленькие двери, соединявшие ее с остальными комнатами этого этажа. Большой стол, заваленный книгами, бумагами и разноцветными женскими безделушками, высокие кресла, несколько плоских табуреток и скамейки с толстыми подушками из голубого бархата, расставленными кое-как, придавали всему вид барского беспорядка и беспечности.

В кресле у окна сидела дама средних лет, когда-то, вероятно, очень интересная, но теперь сильно поблекшая. Линии ее лица стали неприятно угловаты, сильная горечь и скорбь как будто отпечатались на нем. Ее каштановые волосы уже просвечивали сединой, одежда темна и такого покроя, который разве пятнадцать лет назад приводил в восторг тогдашних любезников.

Напротив нее полулежал в кресле красивый черноглазый тринадцатилетний мальчик с длинными локонами, во взгляде которого не было ничего детского. Было непонятно – слушает он или мечтает. Его одиннадцатилетний товарищ – пухленький, беленький, глуповатый – слушал с напряженным вниманием.

– Слушай же меня, Лорен, как слушает твой младший брат; когда меня не будет с вами, никто не станет направлять вас. Ты и не думаешь о чести своего угасшего рода, рода благородных Гизов, которого ты, Лорен, составляешь главную ветвь; не думаешь о позоре своей семьи, не хочешь укрепить сердце рыцарской ненавистью и стать когда-нибудь ангелом-мстителем нашего семейства и благородного, великого изгнанника Дудлера, который...

Лорен зевнул во весь рот и встал.

– Прошу тебя, мама, оставь меня хоть раз в покое. Ведь то же самое говорит мне каждый день отец Лашез! Не хочу я больше ничего об этом слышать! Я молод и хочу веселиться, как веселятся все эти нарядные господа, у которых такие прекрасные лошади и блестящая одежда. Если я и умен, когда захочу, как ты говоришь, то хочу быть умным для собственного удовольствия, и ты тоже, Марсан, не правда ли? Ах, если б только скорее приехал герцог и увез нас с собой; мы могли бы наконец делать что нам угодно!

Дама встала с суровым видом.

– Так вот твоя детская любовь! Ты только и думаешь, как бы уйти от меня и броситься в вихрь этой бешеной, обманчивой жизни! О, боже мой, один – строптив, другой – глуп! В вашей душе разве вовсе нет места скорбной мысли, что рождение призвало вас к чему-то высшему, лучшему и что эта революция, не удовольствовавшись тем, что принесла в жертву на алтарь тиранов Бурбонов вашего отца и покровителя, из богатых собственников превратила нас в нищих, обязанных теперь унижаться и служить другим!

– Ха-ха! Вы проповедуете мальчуганам уж чересчур серьезную мораль! С ума вы сошли, милая! Боже праведный! Вот что значит женщине заниматься политикой: она теряет последний остаток своего бедного ума! Придите ко мне, милейшие куклы, со мной гораздо веселее!

Особа, говорившая это, вошла через одну из боковых дверей и, бросившись на диван, стала, смеясь, обнимать и целовать подскочивших к ней мальчиков. Она находилась в той цветущей, но неопределенной поре жизни, которая колеблется между двадцатью четырьмя и тридцатью шестью годами, и насчет которой так же трудно иметь верные сведения, как трудно доказать, что Венере Медицейской было восемнадцать, а не двадцать пять лет. Не легче было бы решить, чем, собственно, обязана была эта особа своим необыкновенным очарованием: пропорциональности ли и роскошной прелести форм или удивительно изящному туалету; может быть, тому и другому вместе. Ее чисто греческий профиль составлял очаровательный контраст с продолговатыми, огненно-черными глазами, заставлявшими предполагать в ней восточное происхождение; ростом своим она напоминала Юнону. Желтое парчовое платье, голубой даматкорсет, наполовину зашнурованный, изобилие атласа, из-под которого виднелись прекрасные руки, и благоухающие кружева, покрывающие полную белоснежную грудь, еще больше придавали обаяния всей ее фигуре. Темные волосы были собраны в большой узел и придерживались нитями из бус и пряжками. Лишь несколько локонов ниспадало на затылок; эта прическа делала ее похожей на римлянку, восседающую в цирке.

В Париже была только одна красавица, которая могла заставить жен ревновать до безумия и страшно завидовать ее туалетам; одна женщина, которая ко внешним дарам своим присоединяла открытое и отважное сердце, пропасть ума, умение держать себя, несмотря на полнейшее несоблюдение обыденных жизненных правил. Эта одна была Нинон де Ланкло, французская Аспазия! Происходя из старинного дворянского рода, она не успела еще совершенно развиться, как уже осталась сиротой. Не имея ни советника, ни опекуна, она была совершенно предоставлена самой себе, а между тем обладала немалым богатством: 200 000 ливров состояния, редким для ее пола образованием, большим знанием жизни и силой воли, которая иногда сдерживала ее безграничное легкомыслие. Она решилась вести независимую жизнь и не хотела никому дать власти над собой. Свое состояние она отдала в государственный банк и жила процентами. Она никогда не унижала себя в любви, никогда не предавалась наслаждениям, но и не сдерживала себя, когда хотела любить и наслаждаться. Ее красота и ум, постоянная веселость и блеск туалетов сделали ее кумиром света, волшебницей тогдашних модных салонов, и, конечно, ни одна красавица не опустошала так радикально кошельки своих обожателей, собирая с них дань богатыми подарками, впрочем, без всякого желания, и не придавая им никакой цены. Нинон де Ланкло – взрослое дитя, с умом и сердцем эпикурейца.

Госпожа де Сен-Марсан с неудовольствием отвернулась к окошку, но промолчала.

– Довольно, довольно, мальчуганы, вы задушите меня! – И Нинон, смеясь, оттолкнула своих буйных обожателей. – Но я по крайней мере разогнала туман, которым вы опутали мозги этих плутишек. Разумно ли, готовя их к службе принцу Арману, развивать в их сердце неудовольствие и неприязнь к нему? Стыдитесь, Марсан! Мертвые не могут смеяться, но из этого не следует, что живые должны вечно плакать!

– Да, Нинон, они должны плакать, потому что рабу, нищему ничего не остается, кроме слез!

– Вздор! Запрещаю вам повторять эти глупости или я скажу принцу, что ему бесполезно брать этих мальчиков, и скажу, почему! Понимаете ли вы это, графиня! Кого угнетает несчастье, тот должен думать о том, как бы опять стать на ноги, и бедные мальчики именно это обязаны сделать вам назло. Хороша справедливость, заставляя их мстить за то, что их господа отцы жили как дураки и умерли такими же!

– Мадемуазель!!!

– Ну да, они это сделали и получили свое! С каких пор собирают лавры на уличных мостовых? С каких пор благородные солидаризируются с чернью, а? Кто хочет быть мятежником, тот должен быть умнее своего противника, а Рец Гастон, Сент-Ибаль, ваш муж, и все они, как их там зовут, добились только пальмы бессмысленной глупости и больше ничего! А эти женщины-политики! Лонгевиль, Монпансье и – ах! – добрейшая Марион де Лорм, которая должна была прикинуться мертвой, чтобы избежать когтей Мазарини.

О, я чуть не умерла со смеху, увидев ее лежащей в гробу совершенно здоровой, когда ее унесли ночью. Это всегда так бывает, когда берешься не за свое дело. Будьте же умнее! Держите себя так, как будто все происшедшее вас больше не касается, и вы всплываете опять наверх. И чего вам надо? Проглотить Мазарини с пелериной и шапкой! Фи! Его эминенция такой липкий! Нет-нет, дети уедут, а я примусь за вас и всюду буду вас возить: и в театр Бургонне, и в отель Ромбулье, и если вы не развеселитесь и не бросите где-нибудь якорь, то вы не женщина и не умны. Подойдите, милые мои мальчики, садитесь тут подле меня! Обратите внимание, мадам, как я их буду учить! Идите сюда!

Мальчики бросились к ней.

– Ну слушай же, Лорен, ты старший. Тебе мама твоя говорила, что ты дворянин, да?

– И очень знатный, мадам Нинон!

– Ну да, конечно, герб всегда герб!

– Прошу вас! – вмешалась госпожа де Сен-Марсан.

– Молчите, пожалуйста, или я ваш враг навеки! Мама сказала вам также, что вы нищие...

– И поэтому должны служить?! – закричал Лорен.

– Позволь тебе сказать, мой друг, что дворянин никогда не беден, когда у него фунт железа сбоку и кусочек мозга вот тут, наверху! Служить? Что за вздор! Лакей служит, дворянин оказывает услуги.

– Но ведь это все равно, дорогая Нини.

– Это далеко не все равно, дорогой Лорен! Великий Тюрэнн оказывает услуги ее величеству, и Европа дрожит перед ним; принц Конти, сам Мазарини оказывают услуги, а разве они лакеи?

– В самом деле, мама, Нини права!

– Ну хорошо. Ты и Марсан должны быть пажами у его высочества Армана де Бурбона-Конти, принца королевской крови и к тому же генералиссимуса армии и брата великого Конде! Вы будете служить ему для того, чтобы сделаться храбрыми солдатами, порядочными и умными людьми и научиться когда-нибудь тоже повелевать другими. Поняли ли вы?

– О, конечно, поняли, – сказал меньшой.

– А что же нужно нам для этого делать? – спросил Лорен.

– Это очень не глупый вопрос, Лори. Во-первых, никогда не противоречить, слышишь! И никогда ничего не передавать на стороне. Думай и слушай – что хочешь, но делай вид, будто ты от всего в восторге. Ведь ты хитрая лиса! Кто хочет идти вперед, тот обязан потакать всегда своему влиятельному покровителю и говорить ему только приятное. Если ты все это исполнишь и к тому же будешь хорошим наездником и храбрым человеком, так и дело в шляпе; прочее все пустяки!

– Ну, если это только и нужно, – лукаво засмеялся Лорен, – то все скоро будут у меня в кармане.

– Вот как! Ну поцелуй меня за это. А теперь пускай Лоллота приготовит вам ваши вещи в дорогу. Вас позовут, как только монсеньор приедет.

– И мы, конечно, не осрамим вас, Нини.

– Нет, наверное нет, Нини!

С этими словами Лорен вышел с Марсаном.

– Моя мораль по крайней мере веселая и пригодится им в этом несчастном свете.

– Да, конечно! Но она бесчестна!

– Бесчестна? А ваша иезуитская мораль честна? Разве честно отравлять жизнь детям, говорить им о том, кем бы они могли быть и чем могли владеть, если бы их родители не были дураками и бездельниками! Да, бездельниками, сударыня! Проповедовать им ненависть и открытую подлость! Внушать прекрасный догмат: цель оправдывает средства? Прекрасно! Отличный способ срубить для них высокое родословное дерево княжеского Лотринга и...

– Ради бога, ни слова об этом! Вы правы, конечно; лучше передать им эту семейную месть, когда они возмужают.

– Да, действительно. Они по крайней мере сами не захотят тогда заниматься такими пустяками. Но скажите, ради бога, есть ли в вашем поведении хоть капля здравого смысла?

Вы одна, вдова, без всяких средств, беззащитная, и хотите плыть против течения, когда Конти, Бульон, Вандомы и все более сильные люди забирают глубоко в священных волнах милостей Мазарини и их величеств! Ха-ха! Какое лицо сделают герцоги, эти чудачки, которые так восстали против бурбонского могущества, когда они должны будут сознаться, что женаты и обязаны теперь называть эминенцию дорогим дядюшкой! Ха-ха-ха! Я бы с удовольствием расцеловала Мазарини за эту шутку, я бы хотела стать язычницей, чтобы он мог окрестить меня в придворной капелле.

– Боюсь, что Конти именно поэтому и не едет; ему слишком тяжело иметь повод стыдиться да еще перед вами.

– Ну это вздор. Я уверена, что он будет. Принц обещал взять с собой детей и заботиться о них, и он это сделает, потому что честный человек. Кроме того, он и умен. Что вы думаете?

Вошел лакей и доложил:

– Его высочество принц Конти и герцог Бульонский!

– Ах! – воскликнула графиня де Сен-Марсан, и взор ее повеселел. – Они пришли...

– Видите, я права! Ну прошу вас, Марсан, будьте теперь полюбезнее.

По осанке и виду двух вошедших особ видно было, что они принадлежат к первым аристократическим семействам. Арман де Бурбон-Конти, принц крови, отпрыск королевской фамилии, был такого же высокого роста, но менее атлетического сложения, чем маршал Конде, его знаменитый брат. Движения его были грациозны, и он отличался тем величавым спокойствием, которое составляет преимущество высокого происхождения. Синие жилы на лбу обличали, однако, страстный и горячий темперамент, склонный к сильным вспышкам. Он слыл за человека строгой честности, за любителя искусств, обладал литературным образованием и любезностью в обращении, которую не могли изменить даже суровые годы междоусобной войны и военной службы. Вследствие огнестрельной раны он немного хромотал, но это только делало его более интересным. Другой посетитель, Годафруа де Латур, герцог Бульонский, единственный сын родного зятя Ришелье, которого покойный суровый кардинал, несмотря на кровные узы, велел казнить вместе с Монморанси, не был красив. Лицо, покрытое шрамами, несколько надменная наружность искупались, впрочем, какой-то необыкновенно симпатичной и грустной задумчивостью, разлитой по всей его особе и невольно привлекавшей к нему. Оба эти человека были сильными противниками клерикальной партии и считались представителями того феодального рыцарства, которое смотрело на короля как на почти равного себе; два года назад они еще сражались против Анны и Мазарини и теперь явились со смущенным видом, как школьники, втихомолку полакомившиеся яблоками. Мадам Нинон с тихой торже-

ственностью и полуопущенными глазами вышла к ним навстречу. Она внутренне радовалась и ликовала, но старалась не показать этого.

– Позвольте ли вы, принц, и вы, милый герцог, старой приятельнице высказать вам свое искреннее участие... вас обоих постигло несчастье.

– Черт возьми, я предвидел это! – прошептал Бульон.

– Глупости, Нинон, оставьте шутки! Где мальчики? Я завтра рано отправляюсь в Лангедок.

– Как, уже завтра? О боже! Не успев найти утешение во мне, не успев постичь всей глубины своего несчастья и привыкнуть к его горечи?

– Вы, кажется, хотите нас с ума свести?

– Бог с вами, принц, что вы это говорите! Можете ли вы, пылкий новобрачный, не быть совершенно счастливым?

Ну сознайтесь же, Конти, вы ведь ни одной секунды не спали ночью и представляетесь сердитым только для того, чтобы не показать, как сильно вам нравится синьора Мартиноци.

– Ну довольно, простимся. Где пажи? Я очень спешу!

Но Нинон де Ланкло уже дала волю своему смеху.

– Ха-ха-ха! Вы хотите, господа, выпутаться из петли дипломатическим образом. Наделав глупостей, вы теперь стыдитесь разумного поступка и сердитесь, что весь свет, глядя на вас, помирает со смеху? Нет, вы садьте, великие герои! Сядьте и сознайтесь, что Мазарини недаром воображал себя способным поймать всю рыбу в свои сети. Теперь пойдут праздники и веселье, ха-ха-ха! Он не поражает своих врагов, не усмиряет их, не казнит, нет, он – о, божественная месть! – он просто-напросто женит их! Женит на своих племянницах! Ха-ха! Поднимите вы теперь мизинец – и скажут, что вы хотите воевать с родственником! О, как бы мне хотелось, чтобы кардиналу было не более двадцати пяти лет и он мог бы на мне жениться! С каким удовольствием я бы стала вашей тетушкой!

– Ну зачем мы пришли сюда, ваше высочество? – гневно воскликнул Бульон. – Мы даем только возможность этой лукавой кошке вонзаться в нас свои когти!

– Вот что! Да разве я не могу доставить себе удовольствие посмеяться над вами, когда вы таким коварным образом передали мои любовные права синьорам?

– Ни слова больше, Нинон, если действительно не хотите меня с ума свести! – с умоляющим видом обратился к ней взволнованный Конти. – Я знаю, вы можете быть благородной и, если бы заглянули в мою душу, если бы знали, как все это произошло, вы бы пожалели меня, пожалели, что я стал жертвой этой подлой итальянской интриги!

– Ах! Так вы с завязанными глазами попались в ловушку? О, бедный! И вы, герцог, также? И Вандом, который даже не отважился прийти сюда? Всех постигла одинаковая участь!

Да, я этому вполне верю! Вы, вероятно, явились к эминенции из лагеря, сказали ему пару слов в свое оправдание, и он повел вас к их величествам. Король, конечно, дал вам милостивый поцелуй, поручил управление огромной провинцией и затем, в придачу, вы получили еще кардинальскую племянницу.

Как хотите, но это чистейшая ложь!

– Но будьте же рассудительны по крайней мере! – закричал Бульон.

– Не хочу я быть рассудительной, потому что и вы не были рассудительны. Вместо того чтобы прийти ко мне, откровенно рассказать все эти истории про свадьбы, вы потихоньку, точно лисы, после продолжительного отсутствия улепetyваете в Париж, и я уже от других узнала, что вы женились и хотите стать скромными отцами семейств. Господин принц только ради этих мальчиков удостоил отвечать на мое покорнейшее прошение и к ответу милостиво прибавить свой поклон!

– О, браните, насмехайтесь! – воскликнул Конти. – Если бы даже вся Франция смеялась надо мной, я бы не мог сильнее ненавидеть тех негодяев, которые меня обманули!

Какое-то неприятное, несвойственное принцу выражение лица и суровость, которую он противопоставил веселости Нинон, наконец обезоружили ее.

– Ну-с, ваше высочество, если вы действительно обмануты, то и я не хочу больше мстить вам и прощаю вас. Прошу, однако, рассказать мне все, как было, и если я увижу, что кардинал мошеннически поступил с вами, то горе ему! Мой язык наделает ему немало вреда и честь его может сильно пострадать.

– Нужно вам сказать, что когда революционное движение уже подходило к концу, я находился в Пезенасе и собирался соединиться со своим братом и испанцами по ту сторону Пиренеев, чтобы вместе двинуться на Лионне.

– Где вы потерпели бы неудачу, потому что Хокинкур стоял уже со своим войском на берегу самого устья Роны, – резко воскликнула госпожа де Сен-Марсан.

– Ого, ваша новая дуэнья разбирается в тактике! – со смехом шепнул Бульон Нинон.

– Извините, это не моя дуэнья, а вдова, графиня де Сен-Марсан; ее муж был убит на севере.

Мужчины почтительно поклонились графине, а Конти с участием пожал ей руку.

Затем принц продолжал свой рассказ:

– По воле судьбы у меня был секретарь, бездельник Серасин, которому я, к несчастью, безгранично доверился; в то же время и духовник мой, аббат де Карнак, оказался продувным мошенником.

– А что же вы ничего не сказали о той даме, которая, говорят, прекрасно умела занять вас во время войны и до сих пор живет в Пезенасе? Вам, конечно, предстоит теперь разлука с нею, потому что итальянки ревнивы до забвения и способны на преступление.

Бульон лукаво улыбнулся. Конти сильно покраснел, но ничего не отвечал на замечание Нинон и только с большей поспешностью вернулся к прерванному рассказу:

– Серасин и аббат неотступно убеждали меня помириться с правительством. Брат мой со своим вспомогательным войском не соединился со мной, а поспешил во Фландрию. Я чрезвычайно нуждался в деньгах и провианте, и, к довершению всех невзгод, секретная моя переписка исчезла совершенно необъяснимым образом. Мне оставалось одно – уступить! В это время я получил письмо от кардинала, в котором он мне делал такие предложения, что, будь я победитель и предписывай мир королю, то и тогда бы они не могли больше удовлетворить мою честь. Я попал в эту ловушку. Посланный, повезший и мой ответ в Париж, так хвалил небесную красоту Мартиноци, так много говорил о добрых чувствах ко мне Мазарини, что я окончательно стал в тупик. Серасин воспользовался моими колебаниями, чтобы, со своей стороны, подвинуть дело примирения, он указывал на окончательное мое разорение и непрочное положение среди обеих партий...

– Ну и вы попались!..

– Я решился передать свои войска графу д'Аво и отправиться в Париж. Мне интересно было лично удостовериться в выгодах своего положения и честности правительства, а еще интереснее взглянуть на ту особу, которую прочили мне в жены. В первое же мое свидание с Мазарини он действительно обошелся со мной, как с близким родственником, и затем недолго думая представил Марианне Мартиноци как жениха.

– Ха-ха, иначе и быть не могло; вы ведь уже передали свои войска другому, попались ему в руки и не могли больше избежать этой женитьбы!

– И я покорился судьбе; вчера я уже обвенчался с Марианной и утешал себя только мыслью, что судьба Бульона и Вандома не лучше моей... Между тем после свадьбы я был поражен неожиданным открытием: кардинал повел меня в свой кабинет и показал мою тайную, пропавшую переписку... Затем он взял ее и бросил в камин, желая, вероятно, этим великодушным поступком предать забвению мои планы относительно его низвержения!

– Черт возьми! – воскликнула Нинон, вскочив с места. – Кардинал устроил заранее всю эту историю с Серасином и аббатом, это несомненно. Вам же оставалось или жениться на девице Мартиноци, или попасть в общество милого Реца, в Венсенский замок. Нечего сказать! Капитальная иезуитская проделка!

– Но за это мой скромный аббат получит, вероятно, первое свободное епископское место.

– Ну, однако, Конти, теперь уже делать нечего. Вы женаты и должны привыкнуть к своим худошавым, желтым женам. Все устраивается, как того хочет хитрый кардинал, и, может быть, так будет и лучше. Но отвечайте мне еще на один вопрос, который меня очень интересует; отвечайте честно, потому что я все равно узнаю правду.

– Что же вам угодно?

– Хороша синьора Мартиноци?

– Гм! У нее довольно обыкновенное лицо. Она смугла, как недоспелый каштан, и холодна, как статуя.

– О вы, бедный! И ради нее вы должны расстаться с прелестной особой в Пезенасе? Я бы до смерти плакала над вами, но боюсь, что от этого покраснеют глаза.

Госпожа де Сен-Марсан позвонила, и Лоллота привела мальчиков.

– Его высочество принц! – обратилась к ним Нинон, указывая на Конти. – Любите его, как любите меня, дети! Подойдите и поцелуйте ему руку!

И она подвела их к принцу. Принц улыбнулся.

– Так вы хотите быть у меня пажами, хотите учиться служить, чтобы впоследствии управлять другими?

– Я буду все узнавать по вашим глазам, ваше высочество! – воскликнул Лорен, радостно глядя на статного, красивого принца.

– Ну ты, значит, будешь умнее всех мальчиков своего возраста. Будьте уверены, графиня, вам не придется впоследствии раскаиваться, что поручили мне их воспитание.

– Это было моим единственным желанием, и благодаря Богу и милой Нинон оно теперь исполнено.

Тут госпожа Марсан в волнении поцеловала обоих мальчиков, низко поклонилась и вышла.

– Ну, теперь в Безьер, принц, и пишите скорее оттуда!

Вы женатый человек, и я не имею уже права обнять вас, но вы так сухо расстались со своей монахиней, что я решаюсь дать вам один поцелуй в утешение.

Оставшись одна, Нинон расхохоталась:

– Вот так адская штука! Вандом, Бульон, Конти – этих львов Фронды Мазарини сумел укротить женскими руками! Ха-ха, он женит всех своих врагов!

На другой день два дорожных экипажа стояли перед домом Конти на улице Сен-Андре. В большой зале были принц в дорожном платье и принцесса Марианна, его супруга. Ей было восемнадцать лет, но на вид казалось значительно больше. Нежный бархатистый цвет ее лица отличался, однако, желтизной, присущей всем итальянкам. Высокого роста, она не была особенно красива, но обладала какой-то неизъяснимой прелестью, которую портила только излишняя неподвижность. Ее глаза были необыкновенно прекрасны, но почти постоянно опущены.

– Сударыня, – обратился к ней Конти с ледяной холодностью, – судьба свела нас по необходимости, не по свободному нашему желанию, но я, как честный человек, считаю себя обязанным смотреть на вас как на жену, Богом мне данную, и потому должен объясниться с вами перед отъездом.

– Прошу вас, принц, говорите совершенно откровенно, – тихо сказала принцесса.

– В Пезенасе я еще не думал, что меня осчастливят вашей рукой. Я был совершенно свободен располагать собой, не знал вас, и не мог поэтому быть вам неверным!

– Совершенно справедливо!

– Вы не удивитесь, если я скажу, что имею уже связь в Пезенасе с одной особой, с которой вам нельзя встречаться... поэтому...

Марианна подняла на него свои темные глаза, и горячий взор их встретился с глазами принца. Она очень побледнела.

– Поэтому я должна... остаться здесь! – проговорила она.

– Во всяком случае, пока не устранится эта причина. Я постараюсь, чтобы это осталось в тайне. Но, не желая дать его эминенции и двору повода беспокоиться о нашей разлуке, я бы попросил вас сказаться больной.

– Понимаю!

– Вы согласны?

Принцесса слегка покачнулась, грудь ее тяжело поднималась.

– Да!

– Не имеете ли вы что-нибудь приказать мне?

– Имею просьбу к вам!

– Какую, принцесса?

Она опять подняла задумчивые глаза. Они глядели твердо, но удивительно скорбно.

– Есть у вас ваш портрет?

– Портрет – да, боже мой!.. Медальон, но... он... в Пезенасе!

– У той особы!.. Прошу вас, пришлите мне его немедленно.

– Немедленно... хорошо!

– Даете слово?

– Даю!

– И пришлите в монастырь Девы Марии; я еду туда.

– Марианна! Вы любите меня?!

– Если б этого не было, Арман, я не была бы вашей женой! Мартиноци никогда не продавали себя! Господь и мои молитвы да будут с вами.

Конти остался один. «Проклятие, анафема! Ха-ха, вот еще чего недоставало!».

Минуту спустя его высочество катил уже шестерней через королевские ворота к Лангедоку, в свое новое наместничество; экипажи со шталмейстером, егермейстером, камергерами и пажами следовали за ним.

Глава III. Пезенас

Старый Лангедок, управление которым только что получил принц Арман де Конти и куда он направлялся в самом дурном расположении духа, представлял собой береговую полосу в одиннадцать миль длиной и восемь шириной.

Она заключает в себя большую часть восточной половины Лионского лимана и граничит с одной стороны с маленькой Руссильонской областью с крепостью Нарбонной и естественной испанской стеной циклопов – Пиренеями, а с другой, к западу, – с широко изливающейся в море Роной и прекрасным Провансом. К северо-западу Лангедок далеко вдается в Лионне; к северо-востоку же он отделен от департаментов Авейрон и Лозер длинной и высокой цепью Эзнипузских и Севеннских гор. Он берет свое начало с их крутых, лесистых высот, на которых дремлет картезианский монастырь Сен-Пон и, спускаясь террасами к юго-западному берегу, образует громаднейшие сады из виноградников, оливковых лесов, апельсиновых и тутовых рощ, изобилие которых – естественное следствие чрезвычайно жаркого, южного солнца и влажных теплых паров Средиземного моря. Но здесь процветают не только земледелие и скотоводство; процветает и торговля. Монпелье, лежащий у морского берега, около острого конуса горы Гардикель, с вершины которой по ночам блистают, освещая море, сигнальные огни Сеттской пристани, посылает так же, как и Сен-Шиниан и Безьер, свои изделия в близкую Испанию, Италию и даже на Сицилию. Горы и море питают в одинаковой степени непокорный дух независимости здешнего народонаселения, чувственность и страсти которого возбуждаются жарким климатом и винными парами; местный обитатель в гневе хватается за нож, длинный испанский нож, которым он за сорок шагов уже может попасть в своего противника. Но прошло опьянение – и беззаботный, веселый человек, никогда ни о чем не думающий, потому что природа своим изобилием избавила от всяких трудов, возвращается к своей мечтательной летаргии, к своим танцам и песням. Главная водяная жила Лангедока – Херольт. Падая с высоты Севеннов у Фежана, она в тысяче каскадов обегает всю юго-восточную часть провинции и впадает при Тигде в море. Недалеко от нее протекает пенистая Орба, поместившая на своих вечно благословенных берегах цветущий Томиер, Сен-Шиниан и рай в рае – милый Безьер. На расстоянии полутора миль от этого старого города Херольт принимает в себя Пейну и недалеко от Сен-Гвильома обливает широкий, живописный холм, подошва которого обрамляет городок. Около него тянутся виноградники, а на вершине блистает в бронзовых отливах замок, вокруг которого шумят сосны, кедры и каштаны. Это замок Пезенас, называемый также Большим лугом. С незапамятных времен замок, городок и окружающая их местность принадлежат дому Конти, а украшающие его теперь флаги и гирлянды, разгуливающие разодетые люди показывают, что теперь здесь ожидается его владетель и повелитель. Замок Пезенас – обширное строение, квадратом окружающее двор; по углам его – колоссальные башни. Его архитектура довольно странная, нижний этаж выстроен из плит, и длинные стены имеют одну только дверь и несколько амбразур; второй – состоит из целого ряда мелких окон, а последний отличается воздушной красотой в арабском стиле. Высокие окна, отделанные тоненькими, богато разукрашенными колоннами, перед ними – легкий воздушный балкон с изящной балюстрадой, окружающий все строение и придающий ему нечто грациозное, веселое: вид павильона с высеченной наверху жестяной короной. Видно, что часть эта воздвигалась во времена владычества мавров; но, впрочем, крутая, серо-зеленая крыша и высокие шпили башен, явившиеся в позднейшие, христианские времена, придают замку вид спокойного величия.

На балконе, прямо над дверью, сидят две особы: священник и дама. Они, видимо, не столько наслаждаются наступающей вечерней прохладой и прелестным видом на горы с одной стороны, и на голубое море – с другой, как внимательно осматривают изменяющийся ландшафт и улицу вдоль Херольта с северо-западной стороны. Желая, вероятно, провести время

приятнее, почтенный господин принес с собой зрительную трубу, но внимание его постоянно отвлекается от небесных светил на улицу, где ожидается появление дорожной кареты принца. Госпожа Флоранс Кальвимон – именно та дама, благодаря которой принцесса Конти на другой день своей свадьбы должна была остаться одна в Париже. Полная блондинка со светлыми волосами и голубыми глазами, она, по-видимому, не чувствует никаких угрызений совести и не опасается ничего дурного для себя в будущем.

Беззаботно веселая, она отличается той голубиной безмятежностью, которая не столько результат ее врожденной флегматичности, сколько следствие уверенности, что она по-прежнему будет царить в сердце его высочества. Гладко выбритый, хитрый, но часто пугливо озирающийся аббат, Даниель де Карнак, находящийся около нее, не обладает тем же внутренним спокойствием, и ожидание, отражающееся у него на лице, смешано с некоторыми мучительными соображениями.

– Вы ничего не видите, аббат? – спрашивает уже не в первый раз госпожа Кальвимон. – Принца, верно, задержали в Ниме или Монпелье. Везде, конечно, поспешат его приветствовать!

– Он, вероятно, приедет только завтра! – отвечает аббат.

– Вы думаете?

– Не могу утверждать этого; я ведь ничего не получал от его высочества с тех пор, как накануне своей свадьбы он приписал мне несколько строк в вашем письме, сударыня. А тому будет уже четыре недели.

– Однако люди говорят, что вчера еще рано утром приезжал к вам посланный из Парижа, и ваше преподобие отправили его обратно с очень таинственной поспешностью. Вообще я замечаю, что со времени этой свадьбы вы и Серасин все держите от меня втайне. Смотрите, как бы вам не было хуже от этого!

– Неужели же вы считаете меня способным на такую черную неблагодарность, прелестная женщина? Как мне это больно! Посланный действительно приезжал вчера, но вовсе не из Парижа, а из Нима, от архиепископа; он привез мне последние приказы его святейшества и письмо, вследствие чего мне нужно добиться благосклонной аудиенции у его высочества, потому что церковь потерпела значительные убытки во время войны.

– С вами, людьми рясы, конечно, надо всегда жить в мире и согласии, чтобы иметь покой на небе и на земле. Ну и довольно об этом. Я хочу поговорить о принце. Я знаю, что он сильно раздражен и недоволен своим насильственным браком, и, признаюсь, душевно рада, что Мартиноци ему очень не нравится.

– Меня же это вовсе не радует, сударыня.

– Конечно, на вас он не будет сердиться, напротив; только на меня и Серасина!..

– И поделом вам; вы убеждали его совершить этот шаг, связавший его на всю жизнь и на который он бы никогда не согласился, если бы не пропажа его секретной переписки. Хорошо по крайней мере, что вы послали Серасина в Безьер; он явится тогда уже, когда весь гнев принца обрушится на вас, ха-ха!

– Монсеньор не должен бы забывать, что ему оставалось или жениться, или отправиться в Бастилию. Во всяком случае он выбрал недурно: ему достался цветущий Лангедок и вместе с тем такая милая утешительница в Пезенасе.

– И хорошо, аббат. Верьте, что женатый человек больше дорожит своей возлюбленной, чем тот, который еще перепархивает с цветка на цветок. Теперь я гораздо увереннее в любви его высочества и только поэтому не противодействовала вашим и Серасиновым убеждениям. Эта женитьба вывела Конти из затруднительного положения, сделала его повелителем всего Лангедока, и обязанности правителя надолго теперь удержат его здесь и не позволят думать о чадном Париже и своей смуглой итальянке.

– А если принцесса подумает о нем? Если его эминенции покажется странным, что monsieur остается равнодушным к чести называться его племянником и пожелает узнать о причине этой холодности?

– Какой вы, однако, трус, аббат! Вам нечего бояться ни за себя, ни за меня. Неужели вы считаете Мазарини способным думать, что Конти можно заставить влюбиться в Мартиноци? Кардинал хорошо знает, каким опасным врагом для него был генералиссимус армии Фронды, как сильно еще его влияние на недовольных. Этот брак был для обеих сторон делом политической мудрости и честолюбия, ничего более. Конти сделал племянницу кардинала принцессой крови, а сам из врага превратился в слугу его величества, за что король называет его теперь «дорогим братом» и дал ему управление Лангедоком. Но кто поверит тут любви Ганелона² к Темире? Ваше преподобие менее других, и пока принц меня любит, я не боюсь ни кардинала, ни его племянницы. Я слишком хорошо знаю себя и Конти, чтобы суметь удержать его при себе.

– Несомненно, что вы это знаете лучше других. Но верно ли вы все рассчитали?

– Как женщина, которая оценивает свои выгоды и средства. Конти никогда не забудет, что он должен был смириться и жениться против воли на Мартиноци, а я постараюсь напомнить ему об этом.

– Он найдет здесь по крайней мере много развлечений, а что еще лучше – блестящий круг деятельности.

– Мы устроим ему такие празднества, что он скоро позабудет о своей женитьбе. Через неделю съедется сюда дворянство на земские собрания; тогда весь Лангедок заполнит приемные Пезенаса. У нас составитсся настоящий двор, а в Монпелье – ах, аббат, какие балы будут у нас в Монпелье.

– И вы на них будете царицей красоты! А актеры, которых мы выписали из Лиона! Как вам нравится труппа Бежара?

– Ну она так еще недавно здесь, что о ней нельзя составить верного суждения. Вообще же она не производит особенного впечатления. Женщины бесстыдны, как цыганки, а мужчины... про мужчин можно, впрочем, сказать, что Лагранж красив, как Аполлон. Лионские слухи, что он лучший трагик всей южной Франции, оправдываются по крайней мере на его внешности.

² Ганелон – персонаж французского эпоса «Песни о Роланде», приемный отец Роланда, женатый на сестре Карла Великого. Предатель, обреченный на гибель в Ронсевальском ущелье французский арьергард во главе с Роландом.

Глава IV. Секретарь Серасин

Полночь уже давно миновала в Пезенасе, и по совету Гурвиля обманутые в своих ожиданиях новые подданные его высочества оставили всякие торжественные приготовления к его приему. Все в замке успокоилось или по крайней мере приняло такой вид, и только служители в парадных ливреях поспешно проходили через освещенные залы к подъезду и ожидали на лестницах, а двенадцать верховых под предводительством шталмейстера с зажженными факелами поскакали навстречу принцу. Все обитатели замка находились в ожидании и безмолвно прислушивались к малейшему движению на улице, а белый ночной колпак, притаившийся у верхнего окна, показывал, что и озабоченный аббат с не меньшей тревогой ожидал появления принца. Наконец почти уже на рассвете раздались стук колес, звуки голосов и ржание лошадей; множество огней замелькало на горных трещинах, и длинный поезд показался на Сен-Гвильемском мосту. Экипажи проехали на всех рысях и остановились перед подъездом замка. С козел первого экипажа с легкостью пера соскочил паж Лорен и бросился отворять дверцы кареты, из которой вышел Конти, сопровождаемый графом Р., бывшим начальником королевских войск, передавшим теперь в Монпелье главное начальство над ними принцу и Годафруа де Бокеру, президенту Лангедока. Его высочество был утомлен, неразговорчив, и ни обладание давно ожидаемой властью, ни удовольствие въезжать в древнее местопребывание своих предков с полным сознанием своего могущества – ничто не могло изменить к лучшему его расположение духа.

– Довольно, довольно, господа, не нужны все эти церемонии, прошу вас, – обратился принц к встречавшим. – Я хочу, чтобы вы без околичностей смотрели на себя как на гостей моего дома, особенно вы, граф, и вы, любезный президент. Скорее за стол и потом в постель!

Он пошел вперед и кивнул Гурвилю.

– Что прикажете, ваше высочество?

Шталмейстер подошел к нему. Конти понизил голос:

– Мои распоряжения касательно госпожи Кальвимон исполнены?

– Вот ключ.

Принц спрятал его.

– Я не вижу Серасина, где он?

– Господин аббат послал его в Безьер, чтобы условиться с властями касательно дня земского собрания.

– Кто дал ему этот приказ, кто уполномочил аббата? Сейчас пошлите туда двух верховых! Я хочу видеть Серасина завтра рано утром! Мне кажется, что с его стороны это только уловка, чтобы не попадаться мне на глаза, и его отсутствие подкрепляет мое подозрение! – Он обернулся к ожидающей свите: – Милости прошу, господа, не угодно ли вам следовать за мной?

Он пошел вперед, Лорен и Марсан с Гурвилем побежали отворять перед ним двери, и целая вереница дворян и офицеров, под предводительством д'Аво и президента, последовала за ним. В это же время двое верховых отправились в Безьер за несчастным Серасином, на голову которого грозил обрушиться весь, пока еще сдерживаемый, гнев принца. На другой день утро в Пезенасе наступило поздно и всё еще предавалось покою, когда звонок монсеньора призвал камердинера, интенданта, шталмейстера и пажей в его комнаты; его высочество дурно провел ночь.

Душевное состояние Армана де Конти было в высшей степени мучительно и тяжело; он чувствовал себя угнетенным во всех отношениях. Его дух был унижен, его гордость оскорблена. Вспыльчивый, но благородный, он оставался верен до последней крайности делу Фронды; его ненависть к правительству Мазарини и Анны, вызванная любовью к Франции, была так же глубока, как и искренна. Эта любовь, несколько односторонняя и эгоистичная, была тем не

менее одушевляема гуманным чувством. Хитростью и обманом Мазарини сделал его слугой, супругом племянницы и орудием правительства. Гордость его не могла перенести подобного унижения; окончательная победа правительства тем более возмущала его чувство справедливости, что только крайняя необходимость заставила его самого уступить. «Он не убивает своих врагов, просто *sans phrases*, нет, он женит их!»

Эти насмешливые слова Нинон просто терзали его душу. Но что еще хуже, он чувствовал себя опозоренным Мазарини. Этот человек, которого он так сильно ненавидел, не ограничился его порабощением: он осмелился еще разыгрывать роль великодушного, осмелился вынудить его благодарностью, сжигая секретные бумаги, за которые принц мог поплатиться головой, если бы не стал супругом Мартиноци, бумаги, украденные у него с целью предать его, беспомощного, в руки Мазарини. Кто был этот бездельник, изменивший ему? Серасин, его секретарь, или аббат Даниель, его домашний капеллан? Может быть, оба вместе? Если бы он только мог сильнее ненавидеть Мазарини и свою жену, если бы мог сильнее презирать их, он бы спас свою совесть и гордость от самопрезрения. Но, увы! Он уже был не в состоянии испытывать эти чувства не только в отношении Марианны после их прощания, но и в отношении самого Мазарини. Это сознание еще больше возбуждало его гнев против самого себя. Он думал, что Марианна была такой же жертвой политики ее дяди, как и он сам, и что ей так же, как и ему, приятно было бы получить возможно больше личной свободы и даже добровольно расторгнуть этот брак. И что же он узнал? Что эта мраморно-холодная женщина любит его!.. Пламенный, невыразимый взгляд Марианны выказал ему эту тайну. Этого взгляда он не мог больше забыть. Но как могла она полюбить его? Почему? Где она его прежде видела? Женитьба эта была, следовательно, делом большой любви кардинала к племяннице, а не средством отомстить своему врагу. Кто разрешит ему эти загадки? Тут его размышления колебались между целым рядом невероятностей, которые, однако, подкреплялись фактами. И в самом деле было над чем призадуматься: правительство сделало его совершенно самовластным правителем цветущего Лангедока, безответственным перед Мазарини и перед королем. Но что всего важнее, опять ему дали командование над войсками, которого он был лишен с такой дьявольской хитростью и которое передали его противнику графу д'Аво. Теперь под его начальством находилось больше войска, чем он когда-либо имел в своем распоряжении во время войны против правительства. Казалось, осыпая его всеми этими милостями, Мазарини хотел сказать: «Тебе, врагу моему, я дал племянницу, дал высшие политические почести и еще даю этот острый меч. Подними же теперь руку на меня, Конти, если ты подлец!» Это окончательно обезоруживало принца; он должен был отныне из чувства чести быть благодарным рабом победителя. Все это вместе взятое обещало ему бессонные ночи. Подобные противоречия представляли и его отношения с госпожой Кальвимон, Мазарини и женой. Если Мазарини действительно устроил этот брак из любви к племяннице, поведение принца могло глубоко оскорбить его. Казалось даже, что эминенция за это именно поругание хотел отомстить ему, сделав главнокомандующим южной Францией вместо вернейшего из своих старых полководцев. Нет, Конти не допустит такого позора, не останется так глубоко неправым перед ними. Таковы были далеко не утешительные мысли его высочества в это утро.

– Приехал ли Серасин? – спросил он шталмейстера, принимая из рук Лорена кружевной воротник.

– Нет еще, ваше высочество. Он должен быть к полудню.

– Пускай по приезде немедленно явится ко мне! Велите быть здесь полицейскому слуге. Как размещены наши гости, Фаврас?

– К моему удивлению, довольно тесно. Театральная труппа заняла весь левый флигель и построила свою сцену в передней башенной зале.

– Актеры? Что они, рехнулись? Кто созвал их сюда?

– Я спрашивал о том содержательницу труппы и некоего Мольера, вероятно, их режиссера, и оба сослались на письменное приказание, полученное от аббата и госпожи Кальвимон. Их вызвали сюда из Лиона с целью давать представления в присутствии вашего высочества.

– Черт возьми, госпожа Кальвимон самовольно распоряжается моим кошельком и домом! Выпроводите немедленно этих людей! Довольно и так на свете глупости, чтобы нам еще видеть ее на сцене! Впрочем, нет, Фаврас! Если труппа имеет письменное приглашение, так право на ее стороне. Через час я сам поговорю с ними. Как их зовут?

– Это труппа Бежар, приобретающая большую известность в Лионе.

– Ну, хорошо, дай мне шпагу, мальчик, и шляпу. Я слышал о них в Лионе. Комедия «Безрассудный» считается очень хорошей. Мы поладим с ними. Но пусть они едут в город; лангедокское дворянство не должно ради них дурно помещаться в Пезенасе. Объявите прием в большой зале в два часа, а обед – в три, после обеда поездка верхом в Безьер, а завтра – охота на оленя. Идите к аббату Даниелю и скажите, чтобы он немедленно явился к госпоже Кальвимон. Вы ждите меня здесь.

Он махнул им рукой. Кавалеры удалились. Фрипон, камердинер, подал принцу шелковый плащ и оставил Конти одного с пажами.

– Лорен и Марсан, – сказал он, – вы оба славные, услужливые мальчики, я доволен вами. Оставайтесь верными, скромными, слушайте меня одного, а на речи других не обращайтесь внимания. В этом найдете свое счастье!

Лорен поцеловал его руку.

– О, конечно, оно так и будет, ваше высочество. Я и за братом стану смотреть, чтобы он всегда поступал, как угодно вашему высочеству.

Конти благосклонно погладил мальчика по голове:

– Такой понятливый мальчик, как ты, сын храброго дворянина, сумеешь проложить себе дорогу. А теперь слушай!

Вот ключ. Поди в мою спальню, там найдешь ты подле оружейного шкафа потайную дверь, отвори ее. В покоях, куда она поведет тебя, ты встретишь даму, которой вежливо доложишь обо мне. Постой еще. С нынешнего дня этой даме будет прислуживать Марсан, понимаешь? Ты же, Лорен, останешься пока при мне. Там же ты увидишь священника, который будет преподавать вам науки. Затем все, что будет говориться или делаться в этих комнатах, вас больше не касается. Теперь доложи обо мне!

Конти встал. Лорен побежал с ключом, а Марсан за ним.

Госпожа Кальвимон, как вполне расчетливая дама, приняла принца в полном вооружении и совершенно готовая к сражению. Она уложила все, а блестящие подарки и письма, когда-то полученные ею от принца, лежали в порядке на столе, сама же приняла вид грустной покорности, который так идет женщинам.

– Доброе утро, моя дорогая, – сказал Конти с некоторым замешательством. – Очень сожалею, что не зависящие от меня обстоятельства помешали мне вчера же принять вас. – Он поцеловал ее руку. – Я знаю, Флоранс, вы слишком умны, чтобы не понять особенностей моего положения.

Он посмотрел с удивлением вокруг:

– Что это? Вы хотите ехать!

– По крайней мере оставить этот дом, ваше королевское высочество. В присутствии этих мальчиков увольте меня от объяснений.

– Это мои пажи. Впрочем, ступайте оба на мою половину и запирайте дверь, Лорен.

Пока удалялись мальчики, аббат Даниель выступил с противоположной стороны и поклонился. Конти коротко кивнул в ответ: он был очень взволнован.

– Почему вы хотите оставить этот дом и меня, Флоранс?

– Вы, как честный человек, не будете опровергать, монсеньор, что ваше прежнее чувство ко мне теперь охладело.

Вы женились, и женились на племяннице Мазарини, которому теперь обязаны всем – честью, властью, даже, может быть, жизнью; Марианна Мартиноци – красавица, это знает весь свет! Я не хочу вступать с такой противницей в мучительно долгую борьбу, которая во всяком случае кончится моим поражением, а может быть, и заставит вас меня ненавидеть. Конечно, я жертвовала вам своим спокойствием, я была вам верным товарищем в битвах и опасностях, делила с вами последние крохи хлеба и тяжелые испытания, но что из этого! Мещанка Кальвимон могла быть подругой в радости и горе народному начальнику, но гордому принцу, племяннику кардинала, человеку, близкому к престолу, она уже больше не нужна. Позвольте мне, ваше высочество, удалиться из Пезенаса и оставить тут все то, что может напомнить нам друг о друге. Вполне рассчитываю, что ваше великодушие не допустит, чтобы я впала в нужду и бесчестие!

– Но как вы могли прийти к такому безрассудному решению? Что дает вам повод думать, будто я вас больше не люблю, будто я ставлю свою супругу выше вас? Мое письмо недостаточно ли сказало вам о моем несчастье? Почему вы хотите еще эту обиду прибавить ко всем моим горестям?

– Вы, может быть, еще не настолько любите принцессу, чтобы решиться оттолкнуть меня, но я не хочу выжидать этой минуты. Когда-нибудь вы полюбите ее, да уже и теперь вы ее любите: не будь этого, вы бы, конечно, не закрыли бы передо мной свою дверь после недельного отсутствия! Вам бы не было совестно явиться рядом со мной перед лангедокским дворянством, как бывало прежде, вы не стеснялись вместе со мной объезжать войска. Я хочу облегчить вам этот шаг. Когда меня не будет, – она обратила к нему свой влажный, голубиный взор, – вы скоро меня забудете.

– Весь свет, кажется, в заговоре против меня! – вне себя воскликнул принц. – К черту все это величие, которое дает мне только одно горе и страдание! Да или нет, любите ли вы еще меня, Флоранс? Отвечайте по совести!

– Если вся моя жизнь не дала еще вам ответа на этот вопрос, Арман, так знайте, что наша разлука будет, может быть, смертью для меня!.. Ведь это не первая жертва, которая принесется всепоглощающему кардиналу.

– Клянусь вам, милая Флоранс, пока чувство еще живет во мне, моя любовь неизменно будет принадлежать вам.

Вы будете моей единственной радостью. Никогда не оставляйте Пезенаса и распоряжайтесь мною так, как будто я никогда и не видел мазаринского дома. Желаете вы этого?!!

– Если только вам не тяжело будет переносить тиранию моей любви! – засмеялась она, прислонившись головой к его плечу.

– Никогда, о, никогда! Если бы Мазарини даже золотыми цепями приковал меня к себе, то и тогда мое сердце не будет в его власти! – Он обнял ее в сильнейшем волнении. – Но я должен попросить у вас одну вещь. Это маленький медальон с моим портретом, я, – он покраснел, – обещал его одному приятелю в Париже.

– Приятелю или приятельнице, монсеньор? Это единственный ваш подарок, который я бы не отдала при расставании.

– Конечно, приятелю. Зачем вам этот портрет? Ведь вы постоянно будете иметь перед собой оригинал! Да к тому же я обещаю вам в самом непродолжительном времени другой, хотя бы должен был для этого выписать самого Лебрена из Парижа. Позвольте мне самому взять его! – Он распутал, смеясь, на шейке красавицы золотую цепочку и снял с ее груди покрытый бриллиантами портрет, который поспешно спрятал. – Нарядитесь же получше, моя милая! Я за обедом хочу вас представить своим гостям. Вы сделали мне сюрприз, вызвав сюда труппу

Бежар, это прекрасно. Пускай они дают свои представления, пока не надоедят нам. Но я велел перевести их в город: им невозможно оставаться здесь, не стесняя наших гостей.

– Как прикажете, дорогой принц. Но в таком случае нужно заплатить за их стол и квартиру, потому что без этого условия они ни за что не приехали бы из Лиона.

– Все, моя дорогая, хорошо, что бы вы ни сделали.

Вы должны быть полной госпожой в моем доме. Вот еще что: я взял двух мальчиков себе в пажи, двух братьев, Лорена и Марсана. Революция похитила у них отца, им нужно дать приличное воспитание. Аббат будет их учить, вы же возьмите младшего Марсана себе в пажи. Он еще ребенок и довольно ограниченный, его нескромности опасаться нечего.

– О, позовите его сейчас сюда, я хочу доказать, как ценю ваши подарки.

– Сию минуту, еще слово к вам, аббат. Сожалею, что оно будет так строго. Вы служитель церкви, и потому с вашей стороны неблагодарность, неверность и измена преступнее, чем со стороны кого-либо другого. Будьте откровенны со мной, никто, кроме мадам, вас не услышит, и я прощу вас, хотя, конечно, уже не потерплю вашего присутствия в моем доме.

– Что угодно вашему высочеству?

– Вы знаете, что моя секретная переписка была украдена необъяснимым образом. Кардинал показал мне эти самые бумаги после свадьбы у себя в кабинете и сжег их.

– Бумаги? Кардинал?! – Даниель побледнел.

– И вы, клятвопреступник, вы отдали их Мазарини! Сознайтесь!

Аббат стоял со сложенными руками, бледный и неподвижный.

– Нет, это невозможно, принц! – воскликнула госпожа Кальвимон. – Я ручаюсь, что он не способен на такую низость.

Даниель оправился:

– Ваше высочество, я не знаю, каким образом бумаги очутились у эминенции.

– Так ли? Поклянетесь ли вы в правдивости ваших слов?

– Клянусь, принц!

– В таком случае простите мне мое подозрение... Пойдемте со мной и приведите сюда Марсана. До свидания, милая Флоранс, я сам поведу вас к столу!

Он поцеловал ее руку, вошел в свой кабинет, дверь которого уже не затворял, и передал Марсана священнику.

Когда аббат и Флоранс остались вдвоем, оба вздохнули с облегчением.

– Ну-с, Даниельчик, не крепче ли он теперь у меня в руках, чем прежде?

– Падаю ниц перед вашим умом и находчивостью.

– Ха-ха, теперь ничто на свете не поколеблет слепой привязанности ко мне Конти.

Даниель улыбнулся, поклонился и оставил красавицу одну заняться своим туалетом.

Задумчиво вошел принц в свой рабочий кабинет, где дожидались Гурвиль и Фаврас. Он вынул портрет из кармана, мрачно взглянул на него и подошел к письменному столу. Лорен подскочил к нему и придвинул кресло.

– Что вам угодно, господа?

– Вы приказали нам дожидаться здесь, ваше высочество, кроме того, я должен доложить, что Серасин приехал, полицейский служитель тоже здесь с двумя людьми.

– Хорошо, Гурвиль, а вы, Фаврас?

– Трупку Бежар перевезли в город, чем она очень недовольна. Содержательница и Мольер, их доверенное лицо и режиссер, явились сюда объясниться по этому поводу с вашим высочеством.

– Пустяки! Пусть подождут, мне нужно остаться одному на полчаса. Позаботьтесь, Гурвиль, чтобы один из слуг приготовился ехать сейчас же в Париж. Он должен отвезти письмо в монастырь девиц Марии. Надеюсь, что это будет исполнено со всей аккуратностью.

– Не сомневайтесь, ваше высочество!

Интендант и шталмейстер удалились в переднюю, а принц стал писать письмо своей супруге.

«Мадам!

Верный своему слову, посылаю вам немедленно по приезде обещанный портрет, хотя и сомневаюсь, что вы удостоите его того места, на котором носила его до сих пор прежняя обладательница. Вы удивили меня при прощании неожиданным, скажу более, в высшей степени невероятным признанием. Если это признание искренне, то для меня становится очень интересным вопрос: каким образом заслужил вашу любовь человек, которого вы никогда не видели и с которым вас связала только воля вашего дяди? Я желаю, чтобы вы не насиловали ни себя, ни меня, и считаю себя вправе, как честный человек, ожидать от вас полнейшей откровенности.

С великим почтением остаюсь покорным слугой вашего высочества
Арман де Конти».

Бессердечно и язвительно написанная эпистола эта тем не менее взволновала писавшего. Он непременно хотел выйти из глупого хаоса чувств, освободиться от сердечной слабости, овладевшей им под влиянием горячих взглядов Мартиноци. Конти думал, что, вложив портрет в пакет и передав его Гурвилю, он действительно сделал великий шаг к своей независимости и теперь уже не имел надобности думать о черных глазах. Это убеждение сделало его веселее.

– Впустите теперь актеров, Фаврас!

На пороге кабинета показалась тридцатичетырехлетняя женщина со стройными еще формами, некогда, вероятно, красивая, но теперь уже сильно поблекшая от излишнего употребления румян; цвет лица ее приобрел тот грязноватый, свинцово-сероватый оттенок, который так безобразит немолодых уже актеров; к тому же у нее были красные волосы. Ее одежда, далеко не грубая и не бедная, отличалась излишней пестротой и безвкусицей.

Несмотря на некоторую сдержанность и боязливость в присутствии принца, в ее движениях и взглядах проглядывало известное нахальство, которое она тем менее могла скрыть, чем более чувствовала себя оскорбленной высылкой труппы из замка в город. Это была девица (по тогдашним полицейским уставам всякая актриса была девицей) Мадлена Бежар, содержательница тех странствующих актеров, которые стяжали в Лионе такую большую известность. Принц едва удостоил Мольера взглядом, но не смог скрыть улыбки, когда ему представили Мадлену.

– Вас не совсем-то вежливо лишили квартиры, мадемуазель. Сожалею об этом. Но мне нужны комнаты, и вы согласитесь, что дворян негоже стеснять из-за вашего странствующего общества.

– Мы, конечно, обязаны подчиниться приказаниям вашего высочества. Но я должна заметить, что заключенный именем вашего высочества контракт обязывает доставить нам отдельное содержание, квартиру, за каждое представление четыреста ливров и прогоны туда и обратно. Вот этот контракт!

– Оставьте его у себя: я уже знаю, в чем дело. Все, обещанное вам моим именем, будет исполнено. Но что же вы будете играть?

– «Сидя», «Теодору», «Дон Санхес», Пьера Корнеля, «Собственного стража», «Дона Яфета из Армении», «Поля Старона», наконец, – она показала на своего товарища, – сочинения Мольера, члена нашей труппы, «Доктора поневоле», «Ревность Барбульеса» и «Безрассудного», который, несмотря на Гвильон Гароку, заслужил общее одобрение.

– Так как земские чины соберутся не ранее будущего месяца, – вежливо присовокупил Мольер, – я могу еще написать новую пьесу «*Le dépit amoureux*»³.

Конти внезапно выпрямился и с неприятным удивлением посмотрел на говорившего.

– Вас зовут Мольером?

– К вашим услугам.

– Это не настоящее ваше имя!

– Имя и рождение, ваше высочество, не даются нам с нашего согласия, в противном случае счастье не было бы так редко на земле. Но это имя я дал себе сам, и никто его не носил, кроме меня. Разве это дурно, ваше высочество?

– Дурно стыдиться и отказываться от своего собственного имени, дурно бросать свое семейство и почтенное звание, чтобы сделаться шутом и бродягой. Вы сын Поклена, королевского обойщика и камердинера, – не скрывайтесь! Вы, Шанель, Берье в Хеннольте были моими сотоварищами в Клермонтской коллегии, потом вы были адвокатом и бросили свое почтенное звание, чтобы променять его на позор и нищету.

– Не всякому арлекину идет его наряд, ваше высочество, мне же вовсе не шла адвокатская мантия. Никто не видел, впрочем, чтобы я стыдился или презирал свое звание. Каждый человек имеет свои понятия о чести.

– Я нисколько не интересуюсь вашими понятиями, – резко воскликнул Конти. – И объявляю вам, чтобы вы не выставляли мне напоказ своих произведений. Я не хочу смотреть ни на вас, ни на всю эту труппу! Вы получите деньги, квартиру и содержание на четыре недели, но с условием оставить Пезенас через два дня, если не хотите быть удалены более бесцеремонным образом!

Мольер побледнел и отступил в испуге.

– Так неужели же этот человек, милостивейший государь, должен составить наше общее несчастье? – закричала Мадлена. – Чем мы виноваты, что он случайно был вашим товарищем? Вы, конечно, можете деньгами зажать нам рот, и мы не имеем средств противодействовать вам, потому что вы повелитель всего Лангедока. Но куда мы теперь ни придем, нам везде скажут, что вы отправили нас за негодностью. Кто тогда заплатит, ваше высочество, за потерю нашей артистической карьеры и доброй славы? О, дозвольте нам по крайней мере три представления. И если мы и тогда вам не понравимся, – ну тогда мы уедем безропотно!

Девушка, вошедшая так храбро и самонадеянно, лежала теперь в слезах и рыданиях у ног принца.

Конти отвернулся с презрением и прошелся несколько раз по комнате.

– Ну хорошо! – воскликнул он с сердцем. – Дозволяю вам эти три представления, но только без Поклена или этого Мольера, как он теперь называется!

– Ваше высочество! Если я причина вашего гнева и вы стыдитесь моей скромной особы, то легко этому помочь, я уеду из Пезенаса и оставлю своих товарищей, с которыми так давно уже делю горе и радость. Мое несчастье не должно их касаться.

– Это ваше дело, мое решение вам известно.

– Соизвольте в таком случае, чтобы я получил в вашем присутствии от этой девушки все рукописи и роли тех пьес, которые писал до сих пор для труппы Бежар. Это дети моей мысли, мое единственное земное достояние. Пренебрегая моей особой, вы, конечно, пренебрежете и моими поэтическими произведениями.

– Я ничего не имею против вашего желания. Отдайте ему его сокровища, мадемуазель!

– Ни за что, ваше высочество. Я заплатила за них!

– Но ты не имеешь права отнимать у меня мое состояние и пользоваться им.

³ «Любовная досада» (1656) – пьеса в стихах, написанных в манере итальянской литературной комедии.

– Запрещаю всякий спор: подобные сцены здесь неуместны. Если вы имеете право разыгрывать произведения этого человека, делайте это, а если он хочет протестовать, то пусть обращается к суду. Через два дня вы покинете город, господин Поклен!

– Ваше высочество, – воскликнул Мольер. – Неужели вы позволите наглый грабеж? Соглашаясь терпеть нужду, чтобы не подвергать своих товарищей вашей немилости, я теперь должен лишиться единственного средства помочь себе, единственного источника моего будущего счастья!

– Идите! Довольно дерзко предполагать, что я должен заботиться о счастье подобных вам людей!

Слезы выступили на глазах у Мольера.

– Извините, ваше высочество, если во мне было ребяческое убеждение, будто такой высокопоставленный принц охотно позаботится о счастье бедного человека! Горе бедняку, участь которого в руках сильного!

Он поклонился и вышел.

Девица Бежар последовала за ним. При последних словах Мольера Конти просто остолбенел от такой дерзости. Находясь уже и без того в состоянии нервного раздражения и сильнейшего неудовольствия, страстная его натура окончательно пробудилась, и жилы на лбу налились кровью.

– Позови Гурвиля, Лорен! – закричал он.

Паж, стоявший безмолвно в отдалении, полетел к двери и позвал шталмейстера.

Вошел Гурвиль и за ним секретарь Серасин, приехавший ночью из Безьера.

Беда, если у гордых вспыльчивых господ упрямые слуги, а Серасин был из их числа. Родом из Сен-Леона в Пиренеях, характером и темпераментом больше испанец, чем француз, он и держался прежних нравов своей родины. Одет он был по французской моде: короткие, узкие панталоны и штиблеты, узкая курточка с серебряными пуговицами, волосы в сетке и широкий кожаный кушак.

На левой стороне кушака висел серебряный письменный прибор, указывающий на профессию, а на правом боку качался в кожаном чехле широкий нож, его национальное оружие, в руках держал он шляпу с отвислыми полями. Его черты отличались неподвижностью и выражали упорство; лицо было мрачно. Он знал, зачем его вызвали, знал, что ему предстоит выдерживать гнев принца, но не признавал себя виновным в каком бы то ни было проступке.

Его вид еще более раздражил Конти, но сначала он сдерживался, хотя внутреннее волнение его было так велико, что это ему стоило больших усилий. Он бросил на Серасина убийственно холодный взгляд, потом стал ходить взад и вперед, подошел к камину, бросился в кресло и начал вертеть в руках каминную лопатку.

– Я велел позвать одного вас, Гурвиль!

– Извините, ваше высочество, я думал, вы желаете видеть Серасина.

– И я тоже, – сухо сказал Серасин, – покорнейше попросил бы покончить со мной. А то пезенасскому полицейскому служителю долго придется ждать!

– Покончить, сударь, – я этого и хочу! Оставьте нас одних, Гурвиль!

Шевалье удалился.

– Наше дело простое и ваше вступление доказывает, что вы знаете, в чем оно заключается.

– Я мог по крайней мере догадаться об этом, меня увезли ночью из Безьера и сочли нужным обращаться, как с уличенным преступником.

– Да, я так и смотрю на вас и докажу, почему! Кто дал вам приказания делать приготовления в Безьере к земскому собранию?

– Господин аббат! Он объявил мне, что ваше высочество выразили это желание в своем письме, и я не смел ослушаться его. Но, кроме того, не стану скрывать, что аббат Даниель

предвидел, что на меня обрушится ваш гнев и искал предлога удалить меня отсюда, пока ваше высочество не будете лучшего мнения обо мне.

– Собственный страх за себя, бездельник, заставил тебя удалиться, трусость и сознание вины написаны у тебя на лице!

Серасин вздрогнул, и лицо его налилось кровью, но он сдержал себя.

– Не знаю, почему бы это могло быть, ваше высочество. Я служу вам десять лет и в продолжение этих десятилетних трудов во время войны я ничем не опозорил себя. Мне более всего совестно и прискорбно, что эта переписка была украдена в самое дурное для вас время, и больно, что подозрение ваше падает при этом на меня, которого вы могли бы лучше знать, который в...

– Молчи ты со своими сладкими речами! Отвечай на доказательства!

– Где они?

– Станешь ты отвергать, что день и ночь ты напевал мне, чтобы я примирился с правительством, что, когда Даниель прибыл из Парижа с брачным предложением Мазарини, ты употребил всю силу своего красноречия, чтобы заманить меня в ловушку хитрого кардинала? Станешь ты утверждать противное?

– Нет, ваше высочество. Но и аббат делал то же самое. Подумайте же, если бы вы не поступили, как советовала вам моя преданность и заботливость о вас, в каком ужасном положении находились бы вы теперь, вместо того чтобы быть губернатором Лангедока!

– О, прекрасно! Привести меня именно в это ужасное положение, заставить выбрать между моей гибелью и рабством – вот подлое дело, на которое ты был подкуплен!!!

– Ваше высочество, я – писец, а вы – принц. Но во мне течет благородная кровь гидальго, который на подозрение в подлости и измене отвечает ударом ножа!

С этими словами он судорожной рукой схватился за нож, но тотчас же выпустил его. Он страшно побледнел.

– Напрасно все это хвастовство. Переписку, украденную из моего рабочего кабинета, из надежного шкафа, и о существовании которой ты торжественно поклялся ничего не знать, я нашел после свадьбы в руках Мазарини!

– Боже милосердный, в собственных руках Мазарини?

О, адская проклятая низость!

– А, наконец-то ужас открытой вины овладевает тобой!

На колени и признавайся, что Мазарини подкупил тебя совершить это воровство и предать меня, беззащитного, в его руки!

– Ваше высочество, берегитесь быть в одно время обвинителем и судьей, преследуемая жертва может с отчаяния сама ответить за себя! Эта рука чиста от всякого предательства. Моя вина только в том, что я советовал вам хорошее.

– Чья же была эта воровская рука?

– Много других людей находятся постоянно в вашей близости, они могли знать, где лежали бумаги и как достать их. Аббат Даниель тоже имеет пальцы, а на поповские проделки – поп годится!!!

– Только страх загрязнить себя удерживает меня, а то бы я убил тебя собственной рукой! Низкий клеветник, так-то ты уважаешь священнический сан? Час назад Даниель поклялся мне, что не принимал никакого участия в этом мошенническом деле!!!

– Так. Он поклялся? Ха-ха. А если я произнесу такую же клятву, будет ли она иметь меньше значения перед Богом потому только, что у меня не выбрита часть головы? Ну да пусть будет, что будет! Если Даниель не солгал и не украл писем, так украла их госпожа Кальвимон и...

При этих словах принц, не владея уже собой, вскочил в бешенстве и, подняв каминную лопатку, закричал:

– Ты мне заплатишь жизнью за эти слова, бездельник!

Но не успел он исполнить своей угрозы, как Серасин выхватил в таком же бешенстве свой нож и в мгновение ока нож этот пролетел мимо головы принца и вонзился в противоположную стену. Насилие не осталось без ответа. Принц железной рукой швырнул лопатку в голову Серасина.

– Пресвятая Мария!

Он пошатнулся, развел руками по воздуху и грянул о землю: кровавая лужа образовалась вокруг него. Конти остановился бледный, дрожащий.

– Убит!!! – закричал бледный Лорен. – Он убил его! Помогите, помогите! – Он бросился к двери, с силой дернул ее, и голос его раздался на дворе.

В одно мгновение все было на ногах. Интендант, шталмейстер, кавалеры и служители наполнили комнату. Принц ничего больше не видел и не слышал, а Серасин с помертвевшим взором лежал перед ним и с умоляющим видом протягивал ему руку. Конти наконец наклонился к нему.

– О, принц, вы отняли у меня жизнь, а я был вам верен! Позовите аббата, пусть он повторит в моем присутствии, что не украл ваших писем, не предал вас!

Страшная мысль промелькнула в голове Конти, мысль, что он убил невинного.

– Аббата сюда! – закричал он. – Доктора! Позовите графа д’Аво и президента! Положите его на диван, оставьте меня одного с ним!

Все разбежались. Одни положили тяжелораненого на постель, другие поспешили за аббатом. Кто мог, бежал от этой ужасной сцены. Конти стал на колени подле своей жертвы и сжал ее худые руки.

– Дорогой принц, велите обыскать мой дом, найдется ли там хоть один ливр, который бы дал мне Мазарини в награду за преступление. У меня никогда не было ничего, кроме того, что я получал от вас. Я умираю бедняком. Сжальтесь над моей женой и моими детьми!

– Серасин, прошу тебя, не заставляй меня думать, что я убил самого верного из своих слуг! Не лишай меня Божьего милосердия! – говорил принц, сжимая его похолодевшие руки.

Гурвиль и Фаврас привели бледного аббата Даниеля. Вне себя принц вскочил.

– Во имя вечного суда и мучений ада сознайся перед этим умирающим, этим несчастным, убитым мною, – ты или он украл для Мазарини мою переписку? Проклятие здесь и там да падет на того, которого вид этой ужасной смерти не заставит сказать правду!

Даниель зашатался, он не мог стоять без помощи кавалеров.

– Я, я украл их для Мазарини, страх сделал меня клятвопреступником!

– Серасин, друг, товарищ, и я убил тебя! – воскликнул Конти, рыдая, и с отчаянием схватился за голову.

– Уберите священника... Я не ручаюсь за себя! О Мольер, Мольер! Горе бедному, чья судьба в руках сильного!

Почти без чувств опустился он перед умирающим, голова его склонилась на тяжело дышавшую грудь Серасина.

Серасин слабо и печально улыбнулся, его руки в последнем пожатии обвились вокруг неблагодарного господина.

– Простите мою горячность, она одна была всему виной, нож в стене тому доказательство! Ах, но дайте мне умереть спокойно: простите аббату. Он поступил дурно, но хотел вам добра! Перед Богом, поверьте мне еще в этом! Позже, позже узнаете вы это! О, жена моя!

В эту минуту в комнату вошли жена Серасина, бледная, испуганная, и его дети. Граф д’Аво и президент следовали за ними.

– Президент, – сказал Конти, – я, я убийца и ваш пленник!

– Нет, он совершил это по необходимости, – простонал Серасин. – Я первый напал на него! Там, в стене... – Раненый не договорил, он сделал последнее усилие, и его не стало.

Арман же, принц Конти, всемогущий губернатор Лангедока, лишился чувств.

Глава V. Благие последствия юмора

К вечеру второго дня, последовавшего за печальной аудиенцией Мольера и кровавой кончиной Серасина, отверженный актер стоял перед дверью маленькой гостиницы в той части Пезенаса, которая лежала у канатного моста над Херольтом.

На противоположном берегу этой реки главная улица разветвлялась на два направления, из которых одно вело прямо с севера на Ним, а другое, повернув направо, тянулось вдоль берега и потом шло к западу, через виноградный холм, на Монпелье. Мольер смотрел с грустной задумчивостью на освещенную закатом солнца красивую местность, которую он должен был покинуть, не зная еще, куда направиться. Недалеко от него, опираясь на палку, стоял полицейский служитель. Он по приказанию его высочества дожидался солнечного заката, чтобы вывести актера из городской черты. Трогательно простился актер со своими товарищами, только одна Мадлена осталась равнодушной к его отъезду. Чувствительная девица испытывала даже настоящее облегчение и удовольствие, отделавшись от того, которого восемь лет назад она же с помощью всяких женских хитростей и кокетства соблазнила оставить Париж и начать скитальческую жизнь. Стоя у окна своей комнаты в нижнем этаже, она безучастно следила за сборами изгнанника. Но даже великое несчастье не остается без утешения и ни одно горе не лишено надежды. Все покинули Мольера, которому были так многим обязаны, он остался без всяких средств, а между тем Шарль Койпо, седой площадной певец, седлал уже своего осла Иеремию и приговаривал: «Ну, брат, я, по крайней мере, поеду с тобой! Ты в счастье все делил со мною, а теперь я хочу узнать, не сможет ли мое горло содержать тебя». Наконец серый Иеремия был готов, дорожная сумка, в которую актер уложил свое скудное достояние, привешена к седлу. Койпо взял гитару в руки, насмешливо снял шляпу перед негостеприимной гостиницей и низко поклонился полицейскому служителю.

– Прощай, благородный Пезенас, я по всем ветрам разнесу молву о твоём великодушии! Прощай, достохвальное начальство, благодетельная, уважаемая полиция! Слава о твоей справедливости должна разойтись по всей Франции! И в других местах зреет виноград и радуются люди остроумию словцу!

Сказав это, он ударил по струнам и пошел, танцуя, вперед, а осел Иеремия и Мольер, комедиант и сочинитель, следовали за ним. Никто, кроме Мадлены, не проводил их взглядом, а взгляд этой женщины не выражал никакого сожаления.

Старый король Рене
Сидит печально дома,
На всякое он слово
Рифмы не находит,
Помогите, дон Фигерас,
Посоветуйте, дон Фигерас,
О, рифма, ах, рифма,
Тяжела она Рене Ратату!

Так пел Койпо свою тирольскую песню и шел вперед. Вот прошли уже и старый канатный мост. Полицейский служитель остановился у берега и смотрел им вслед. Солнце зашло за горы, и долина скоро покрылась, как во всякой гористой местности, голубоватой тенью. Законная стража видела, что невольные путешественники замешкались по ту сторону реки. Песня Койпо умолкла, он некоторое время о чем-то оживленно спорил со своим товарищем, потом оба пошли вдоль правого берега реки.

– Гм, так они идут в Монпелье? Это надо записать и сообщить в замок на случай, если что произойдет.

Полицейский служитель посмотрел на монастырь Святого Гвилома и, когда на его золотом кресте исчез последний солнечный луч, он взял пику на плечо и важно, с сознанием исполненной обязанности повернулся к ратуше. Но только он ушел со своего поста, как зашелестел ивняк, густо покрывавший отлогий берег вплоть до самой воды. Двенадцатилетняя девочка быстро вынырнула оттуда, осмотрелась кругом блестящими глазками, отстранила свои красно-белокурые волосы и, подняв узелок, поспешно побежала через мост и пропала в темноте противоположного берега.

Два часа спустя, когда часть общества Бежар печально сидела в верхнем этаже гостиницы, содержательница Мадлена вбежала туда подобно мегере.

– Где Арманда? Мое дитя, Арманда? Видела ты ее, Женестьева?

Луи, младший брат ее, встал испуганно с места.

– Мы? Нет. Мы не видели ее с обеда! Не внизу ли она?

– Я видела, как она связывала в узелок платье, это было под вечер, – поспешно отвечала Женестьева Бежар, двадцатилетняя сестра ее.

– Узелок с платьем? Бесстыдница бежала с Мольером?

О, противная девчонка! Недаром он ласкал ее, когда я ее била! Недаром вешалась она вечно ему на шею! Мое дитя, я хочу, чтобы она вернулась! Поезжай, Жозеф! Ты должен привезти наше дитя!

Мосье Жозеф горько засмеялся:

– Наше дитя? Ха, ха, твое дитя, хочешь ты сказать! Если ты нуждаешься в отцовской помощи, чтобы поймать ее, обратись к маркизу де Модена или герцогу д’Эпернону в Бордо, и они решат между собой, кому принадлежит эта честь!

– Негодный плут, я за тем разве кормила тебя так долго, чтобы ты теперь восстал против меня и отказался от супружеских обязанностей, которые, однако, охотно брал на себя, когда голод гнал тебя лизать мне руки?! Сейчас же запряги лошадей в карету, или я выгоню тебя из труппы и ты пойдешь нищенствовать, подобно вероломному бездельнику Мольеру! Иди и исполни свои обязанности.

Жозеф Бежар с неудовольствием сошел вниз.

– Тарильер, – сказала, вздыхая, директорша, – вы всегда были мне другом и ничего, кроме хорошего, не видели от меня. Скажите, бога ради, не знаете ли вы, куда мог направиться Мольер? Арманда у него, это не подлежит сомнению...

– Мольер хотел идти прямой дорогой в Ним!

– Они, верно, и пошли туда, – заметил де Круасси. – Я видел из окошка, как они проходили мимо монастыря.

– Так в Ним! Завтра утром мы вернемся, и я заставлю поплясать под розгой негодную девчонку! Она уже больше не убежит от меня!

Директорша поспешно вышла, оставив своих товарищей предаваться дальнейшим размышлениям.

Между тем изгнанный Мольер продолжал свой печальный путь вместе с Койпо. Сначала он действительно шел прямо к Ниму, желая быть как можно дальше от Пезенаса, но потом сдался на просьбы Койпо и повернул к Монпелье.

– У меня там старые добрые друзья, милый сын, которые помогут нам, и там все меня любят – и сильные и слабые. Смотри, надежда, может, опять обернулась к тебе, и кто знает, не последует ли за тобой твое счастье из Пезенаса?

– Глупости, Койпо. Счастье преследует только тех, кто в нем не нуждается. Хотя я и не заслужил своей горькой судьбы, но перенесу ее без ропота. У меня уже вертится в голове план, который, по моему мнению, не совсем дурен. Мне больно только то, что ни один из

моих старых товарищей сердечно не простился со мной, ни один не одарил меня на прощание слезою, исключая кроткой Дебрие. Даже Арманда не плакала, а я очень любил этого ребенка!

– Вот есть о чем горевать! Ты плохо знаешь комедиантов! Кто раз упал, через того, смеясь, перелезают другие – это всегда так и было. Арманда, несмотря на свою молодость, такое же негодное создание, как и ее мать. Ну веселее смотри вперед на дорогу, а не назад! А скажи-ка лучше, в чем состоит твой план?

– Я согласился идти в Монпелье только потому, что мне оттуда рукой подать в Сетжу, где за дешевую цену меня возьмет с собой шкипер в Прованс. Затем я поеду в Авиньон, туда хотел направиться Гаржу.

– Гаржу? Ты с ума сошел! Идти к Гаржу, когда он твой злейший враг!

– Он им больше не будет. Я виноват в его гибели, и если меня постигло и в Пезенасе то же, что его в Лионе, то я вижу в этом справедливое возмездие, поражающее нас тем же оружием, которым мы раним другого. Я помирюсь с ним, мы соберем новую труппу, я буду писать для него пьесы, и мы увидим, кто в конце концов останется в выигрыше: труппа Бежар или наша.

Мольер остановился.

– Послушай, кто-то зовет нас!..

– Пустяки! Это, верно, была кукушка.

– Мне слышалось, однако, мое имя.

– Ну вот еще! Так ты думаешь перейти к Гаржу? Как бы не так! Неужели ты думаешь, что я за тем пошел за тобой? Нет, не будет этого: я позабочусь, чтобы ты не попал в руки бездельника. Спроси де Круасси и Лагранжа, спроси тех, кто его знает, не самый ли он коварный, жадный, низкий человек. Если он еще...

– Мольер, Батист! – раздалось очень явственно позади них.

– Черт поberi, это что такое? Сюда! Здесь! Как будто женский голос.

Они остановились. На ближайшем холмике с узелком в руках появилась двенадцатилетняя дочь Мадлены.

– Арманда?! – воскликнул Мольер и поспешил к ней навстречу. – Дитя мое, что ты делаешь? Ты убежала из дома!

– Наконец-то я поймала тебя! – Она уронила узелок и бросилась к нему на шею. – Ха-ха-ха, конечно, я убежала. Я хочу остаться с тобой, ты меня любишь, я не хочу больше, чтобы старая била меня, и пойду с тобой, мой друг, мое сокровище!

Она целовала его с какой-то вакхической страстью, смеялась, плакала и едва могла говорить от усталости. Сердце ее сильно билось, и она страшно запыхалась. Мольер был глубоко тронут. Девочка эта, его любимица, осталась верна ему, она бросила родителей и привольную жизнь, чтобы делить с ним заботы и лишения. Чувство горячей, ревнивой, полуотеческой, полубратской любви загорелось в его сердце к этому запыхавшемуся, дрожавшему ребенку, который не мог достаточно нацеловаться с ним и был так счастлив.

– Будь благоразумна, милочка, – сказал он, слегка покраснев и отстраняя волосы с ее лица. – Пойдем, уже становится поздно, и ты очень утомлена, бедняжка!

Он больше потащил, чем повел, ее к Койпо.

– Она едва стоит на ногах.

– Шарль, я лучше сам понесу свою сумку, а ты посади ее на Иеремию, пока она не отдохнет.

– Как хочешь, – проворчал Койпо, – но эта девчонка причинит нам только одно беспокойство! Подумаешь, право, какая приятная обуза!

С этими словами он снял с осла различную поклажу, и Мольер посадил на седло Арманду, которая молча взяла повод в руки. Оба мужчины понесли вещи и, не говоря больше ни слова, продолжили свой путь.

– Ну скажи ты мне, негодная девчонка, – вырвалось наконец у Койпо, – и с чего ты выдумала бежать за нами? Дьяволыщина, что мы будем делать с тобой? Ты слишком еще молода, чтобы зарабатывать себе на хлеб, и слишком уже велика, чтобы бегать так за мужчинами!

– Почему я бегу за Мольером, папа Шарль? Ха-ха, потому что хочу! Я хочу теперь иметь свою волю и стоять на собственных ногах! Теперь уже навсегда останусь с Мольером. Что ж, я разве не могу петь и плясать? Не правда ли, Батист, ты скоро сделаешь из меня прекрасную актрису? А ты думал, Койпо, что я хочу быть вам в тягость. Нет, у меня тоже есть своя гордость. Если же вы меня приведете обратно домой, я все-таки убегу от старой! Где вы переночуете?

Мольер колебался между умилением, тягостным беспокойством и замешательством. Он давно знал, что Арманда – сумасбродное существо, которое трудно обуздать, и знал также, что она могла быть чрезвычайно сердечной. Самостоятельность же ее, страстность и понятия, несвойственные ее возрасту, немало смущали его.

– В Пти-де-Пре, там, внизу, – отвечал он коротко. – Нам осталось еще добрых три четверти часа до того места, Шарль.

Вдруг на кустах и на дороге показался свет. Путешественники обернулись с испугом. Лошадиный топот раздавался недалеко от них.

– Нас преследуют, – воскликнул Койпо, – и, верно, благодаря этой проклятой девчонке! Это люди принца.

– Которые обвинят нас в том, что мы тебя отняли у матери, Арманда!

– Ну, этого не будет!

И девочка соскользнула с Иереми.

– Прощайте, я побегу вперед, чтобы они не нашли меня с вами.

– Но я скажу, что ты была здесь и помогу разыскать тебя. Твоя мать имеет на тебя права, и я не хочу, чтобы меня считали похитителем детей!

– В таком случае я скажу им, что убежала сама. Мать, конечно, прибьет меня до крови и запрет, но, как только я буду свободна, я опять убегу и отыщу тебя.

Тут девочка с решительным видом пошла навстречу всадникам, которые приближались к ним в числе десяти или двенадцати человек.

– Это он, мы нашли его! – закричало несколько голосов, и шевалье де Фаврас подскочил к Мольеру.

– О, милостивый государь, – воскликнула Арманда, – не делайте ему ничего. Я ведь сама убежала от матери!

– Мы не заманивали ее, честью заверяем вас, господин! – с умоляющим видом обратился к ним Койпо. – Возьмите ребенка и оставьте нас спокойно продолжать путь, мы честные люди.

– Но, боже мой, – сказал Фаврас, – я не понимаю, о чем вы говорите! Что нам за дело до девочки и кому она принадлежит? Мы приехали за господином Мольером, нам приказано немедленно везти его обратно в Пезенас. Его высочество только что узнал о вашем отъезде и пожелал опять видеть вас. Вы должны ехать.

– Принц хочет видеть меня?! Честный господин, из милости прошу, отпустите меня! После аудиенции я не желаю иметь еще подобную.

– Не могу помочь вам, Мольер, приказание слишком строго на этот счет, а болезненное состояние принца заставит нас даже прибегнуть к силе, если вы не захотите ехать добровольно.

Не бойтесь ничего! Ручаюсь вам за самый лучший прием.

Ни вы, ни кто-либо из ваших друзей не должны оставить Пезенас с горькими чувствами. Вы, право, сделаете доброе дело, Мольер, если пойдете с нами к его высочеству.

Мольер, Арманда, Койпо и старый Иеремия вернулись наконец в сопровождении всадников около полуночи в Пезенас и, прежде чем вернулась Мадлена, Арманда нашла уже себе ночной приют у удивленной девицы Дебрие. Мольера же привезли со всем его имуществом в замок и поместили в веселенькой, хорошо меблированной комнате.

– Отдохните тут спокойно до завтра! Все, что вы ни пожелаете, будет к вашим услугам. Вы здесь не пленник, а гость принца. Его высочество объявил, что не заснет, пока не узнает о вашем приезде. Спокойной ночи.

– Но какие же намерения его высочества?

– Завтра вы больше узнаете об этом. Верьте только моему слову, что намерения самые лучшие, и будьте спокойны.

Задумчиво лег актер в постель. Прошло немало времени, пока усталость не победила наконец возбужденное состояние его духа. Ему снилось, что Фортуна была великаншей, а он – карликом. Она играла им как мячиком, и он находился в смертельном страхе, что вот-вот она уронит его, и медное колесо, на котором она каталась по свету, переедет через него и раздавит. У Фортуны было безжалостное лицо принца.

Существуют испокон века благородные, богато одаренные натуры, воззрения и понятия которых так противоречат их воспитанию, обстановке и положению в свете, что они становятся похожими на человека, носящего железное платье. Это платье принуждает к движениям, не имеющим ничего общего с внутренним миром, и заставляет всегда поступать против свободной воли. Такие люди обыкновенно находятся в борьбе с собой и выходят из нее такими же рабами обстоятельств, какими были прежде. Только большое несчастье способно заставить их взглянуть на жизнь с другой точки зрения. Оно приводит их к сознанию собственного ничтожества и, разрывая все прежние, стесняющие оковы, возвращает человеку его собственный, лучший, до тех пор извращенный характер.

Такая натура была у принца Конти, и таким тяжелым испытанием была для него смерть Серасина. Его сокрушение и самоосуждение были ужасны!.. Счастье еще, что его прежний противник, граф д'Аво, и энергичный президент де Бокер находились при нем. Оба действовали не только как честные слуги правительства, но смотрели еще на Конти как на нравственно больного, и чем больше в эти ужасные дни заглядывали они в глубину его потрясенной души, тем больше могли и оценить его. Можно было подумать, что Конти обратит весь свой гнев на аббата Даниеля как на действительного виновника этой незаслуженной смерти и что неприязненные его чувства к Мазарини усилятся. Аббат очень этого боялся, но на деле вышло иначе. Для глубоко чувствующей души Конти при ее нравственном пробуждении последние слова Серасина стали законом. Первым его делом, когда разум несколько пришел в себя и физические страдания поутихли, было послать от собственного своего имени донесение Мазарини, в котором, говоря о прискорбном происшествии, он убедительно просил освободить его от важных обязанностей, возложенных на него королем. Он после такого происшествия не считал уже себя способным представлять королевское достоинство и внушать доверие, которое необходимо для исполнения этих высоких обязанностей. Он просил кардинала только об одной милости, а именно: помочь ему искупить перед семейством умершего совершенную против него несправедливость. Граф д'Аво сам повез это послание в Париж.

На второе утро принц пожелал увидеться со вдовой Серасина. Их встреча была потрясающая. Счастье, что бедной женщине слишком хорошо был известен характер ее мужа. Она сознавала, несмотря на свое горе, что если б нож Серасина попал в принца и убил его, она бы стала женой преступника, которого во всяком случае постигло бы позорное наказание, и она с детьми была бы также несчастна. Сильное отчаяние принца несколько уменьшило ее собственное, а пожалованное ей самым трогательным образом в дар богатое поместье *Petit des Pres* по ту сторону Пезенаса вызвало с ее стороны полнейшую признательность.

– Если бы вы решились, сударыня, посмотреть на меня несчастного, похитившего у вас ваше лучшее достояние, как на друга, который всю свою жизнь будет вспоминать о вашем супруге с любовью и раскаянием, вы бы сделали доброе дело и поддержали бы меня настолько, что я смог бы более спокойно прожить остаток дней. Позвольте ли вы мне иногда видеться с вами и считать себя опекуном ваших детей?

– Я сделаю это, ваше высочество, – отвечала она, глубоко тронутая, – и убеждена, что этим исполнится только воля моего мужа.

Так они расстались. Конти вскоре после того вспомнил о Мольере и приказал с почти лихорадочным нетерпением ехать за ним. Затем вечером велел позвать дрожащего аббата и успокоил его:

– Я желаю, чтобы вы продолжали исполнять в Пезенасе прежние свои обязанности. Не хочу подвергать вас другому наказанию, как угрызениям собственной совести.

Но он отклонил визит госпожи Кальвимон, несмотря на ее частые просьбы – через Марсана – увидеться с ним. Его мнение о ней и об аббате Даниеле проявлялось весьма сдержанно, но выражало такую сухость и холодность, что ясно было видно, насколько он утратил доверие к своим прежним приближенным. Он сделал исключение только в пользу одного человека, чье низкое происхождение, казалось, не оправдывало вовсе этих чувств, но они-то внезапно и возвели его на такую высоту, о которой он никогда и не мечтал.

Когда на другое утро паж Лорен пришел звать Мольера к принцу, Мольер почувствовал не страх, но какое-то стеснение сердца. Собственный опыт, смерть Серасина и его знание знатных людей и их причуд привели к тому, что он не особенно доверял своему прежнему школьному товарищу. Между тем Мольер был актер, следовательно, смелости у него было довольно; никто не знал лучше него человеческого сердца, и сам он не находился уже в том положении, в котором испытывают страх: терять ему было нечего. Принц сидел один в своем кабинете. Он был весь в черном и очень бледен. Его черты ясно обнаруживали томительную душевную борьбу. Он встал.

– Оставь нас вдвоем, Лорен.

Медленно подошел он к Мольеру, вставшему с глубоким поклоном у дверей, и положил ему руку на плечо.

– Я не думал, Мольер, что ваше мнение насчет людей, мне подобных, так скоро оправдается. Слишком поздно для моего спокойствия является сознание, что могущественные и высокородные могут возбуждать иногда больше сожаления и презрения, чем актер, зарабатывающий балагурством свой скудный хлеб. Батист, товарищ моего детства, простите мне мою несправедливость! Облегчите мое сердце по крайней мере в этом отношении.

Он с волнением протянул ему руку. Мольер поцеловал ее.

– Одно сознание, монсеньор, что вы нуждаетесь в прощении бедного комедианта, уже достаточно, чтобы искупить вашу вину. Но вы неверно судите о себе. Вы не более как больной, который должен быть сам своим врачом. Разве ваш дух недостаточно силен, чтобы укрывать те раны, которые вы нанесли себе?

– Этой-то силы и недостает во мне! Никто так не беспомощен, как я! Сердце, в котором развились такая сильная ненависть к себе самому, такое отвращение к жизни и такое сознание своей пустоты, разбито навеки и его никто не вылечит!

– Скажите лучше, что вы не хотите вылечить себя.

Не взяться ли мне за это дело? Позвольте ли вы такому маленькому человеку, как я, быть вашим врачом?

– О, садитесь и выслушайте меня, – сказал принц. – Много людей окружает меня, и все уверяют в своей преданности, но нет ни одного, на которого я мог бы вполне положиться. Между тем я нуждаюсь в честной душе и совершенно открытом сердце, которому бы мог довериться, перед которым мог бы свободно излить свою душу, которое бы стало моим помощником и руководителем, не заставляя опасаться, что оно злоупотребит моим доверием. Таким человеком был для меня покойный, и я сам лишил себя его. Займите его место, старый мой товарищ, бросьте вы это несчастное звание, которое вовсе не соответствует вашему образованию, и станьте моим секретарем!

Лицо Мольера выразило безграничное удивление.

– Ничто не могло быть для меня неожиданнее и лестнее этого предложения, ваше высочество! И именно его-то я никак не могу принять. Если бы я даже взял на себя эту обязанность, то не сумел бы ее исполнить.

– Вы не хотите быть моим поверенным, Мольер! – воскликнул Конти, и его глаза увлажнились. – Единственный человек, на которого я рассчитывал, бежит от меня! Правда, я и не подумал, что вы можете опасаться участи Серасина!

– Неужели, принц, вы допускаете, что во мне говорит страх за свою жизнь? Как, однако, вы плохо знаете самого себя! Вам, по-видимому, и в голову не приходит, что такому благородному человеку, как вы, достаточно один раз совершить тяжкую ошибку, чтоб потом никогда в жизни не повторять ее! Если бы не смерть Серасина, вы, вероятно, совершили бы еще тысячи несправедливостей, погубили бы и оскорбили множество невинных людей, думая в своем небрежном высокомерии, что действуете совершенно справедливо. Теперь вы не обидите и самого ничтожного человека: смерть Серасина сделала вас чувствительнее к судьбе ближних и пробудила в вас человека. Итак, не страх удерживает меня принять ваше предложение, а сознание своей неспособности.

– Если дело только за этим, то вам нечего колебаться. Нет сомнения, что бывший адвокат имеет достаточно знаний и опыта, чтобы быть мне хорошим помощником. Ведь ваше настоящее положение не очень завидно?

Мольер улыбнулся.

– Оно не хуже и не лучше миллионов других, но только более соответствует моим вкусам. Я охотнее стану играть самую плохую комедию, чем сяду за деловой стол. Кто уже истаскал пару сапог на сцене, тот не годится для обыденной жизни. Положим, что ради вас я и совершил бы насилие над собой, но вы скоро стали бы тяготиться мною, а я – вами. Деликатность удержала бы вас отказать мне, благодарность воспретила бы мне покинуть вас. Наши отношения делались бы с каждым днем натянутее, стеснительнее и стали бы наконец так невыносимы, что мы бы обрадовались первой возможности расстаться. Став вашим придворным, я мало-помалу приобрету все пороки тех людей, которые вас окружают и которых вы презираете. Оставаясь же актером, я могу надеяться, что мои шутки иногда понравятся вам и рассеют ваше мрачное настроение. Для меня нет большего наслаждения, как подмечать слабости и пороки людей, представлять их в смешном виде, смеяться самому и заставлять хохотать других над собственными недостатками. Я не считаю себя ни великим актером, ни замечательным писателем, но все же я не променяю своих занятий ни на какие блага мира. О, ваше высочество, не отнимайте у меня этой радости, этого счастья! Я ни на что другое не способен.

– Но вы можете быть по крайней мере моим другом, удивительный человек!

– Эх, ваше высочество, я давно уже ваш друг в душе.

Но это – актерская дружба, а она очень свободна. Вам нельзя будет пожаловаться, если впоследствии вы убедитесь, что я еще эгоистичнее других.

– Ну я готов испытывать этот эгоизм. Но слушайте, Мольер, если ваш гений, как сочинителя и комика, так же велик, как богато ваше воображение и остроумие, то я предсказываю, что вы будете когда-нибудь величайшим писателем Франции, а, может быть, и всего света. Но все это еще впереди, а пока, так как я благодаря вашему уму и веселости так же нуждаюсь в вас, как пациент в докторе, то вот какое я делаю вам предложение: следуйте своему призванию, оставайтесь здесь и играйте с труппой Бежар, а в свободное время будьте всегда со мною.

– Дорогой, прекрасный принц, – воскликнул тронутый Мольер, – вашей милостью и благоволением вы возвышаете меня в собственных глазах! И если впоследствии вы и в самом деле пожалеете, что отличили таким образом комедианта Мольера, то счастье заслужить вашу приязнанность останется неизгладимым в моем воспоминании и, подобно солнцу, осветит мрачные часы моей жизни.

– Итак, решено – вы мой гость, – сказал Контти, крепко пожимая руку Мольера. – Вы женаты?

– Благодаря Богу, нет, но тем не менее влюблен!

– Ха-ха, ну это ваши частные дела. Может быть, вы желаете, чтобы кто-нибудь из труппы жил с вами, тогда, пожалуйста, не стесняйтесь. Я позабочусь, чтобы вы чувствовали себя хорошо и всякий обращался бы с вами, как с человеком, который мне очень понравился. Сколько времени я еще останусь в Пезенасе и сколько буду управлять Лангедоком – неизвестно. Я просил о своем увольнении после печальной кончины Серасина.

Но как бы там ни было, а о вас позаботятся. Кроме слуг и моих кавалеров, в доме живет еще аббат. Он неблагодарный бездельник, но тем не менее умный человек, общество которого очень приятно. Я еще должен упомянуть об одной даме – моей приятельнице!

– Которую я вполне уважаю, но... – Мольер внезапно замолчал.

– Но что же?!

– Которая тем опаснее для вас, что она или умнее аббата, или... простите ваше высочество... вы слепы.

– Как, Мольер? Почему вы так думаете?

– Эх, принц, если все, окружающие вас, глупцы и интриганы, то почему же именно эта дама будет ангелом добродетели? Подобные женщины никогда почти не бывают верны и преданны. Да было бы и глупо, если б она не пользовалась своим положением и не старалась вознаграждать себя как следует.

– Этого нет у Флоранс Кальвимон. Она верна до самопожертвования, потому что любит меня. Она это доказала в бедственные времена Фронды, и я уважаю ее.

– Ха-ха, стало быть, и вы, принц, принадлежите к числу людей, которые закрывают всегда глаза перед теми предметами, которых не хотят видеть и воображают потом, что их совсем не было.

– В этот раз, друг мой, ваше знание человеческого сердца совершенно ошибочно. Если б я когда-нибудь увидел, что Флоранс обманывает меня, я бы не закрывал глаза, а расстался бы с ней скорее, чем вам нужно, чтобы переодеться в антракте. Но я никогда не сделаю подобного открытия.

– Ну конечно, ваше высочество. Дама эта тем увереннее может предаваться своим страстям, чем крепче держит высокого поклонника в своих сетях.

Принц с неудовольствием вскочил с места.

– Вы говорите так, как будто вам что-нибудь известно!

– Мне? Ничего! Что может мне быть известно? Перед вашим приездом я провел всего дня два в Пезенасе. Я заметил только, что эта госпожа находит очень интересным Лагранжа, нашего актера. А он не такой человек, чтобы женщина могла избежать его влияния, если это ему обещает приключение.

– Вы шутите! Это было бы более чем смешно! Это было бы пошло и нелепо.

Принц был, видимо, раздражен. Мольер пожал плечами:

– В таком случае я дурак, а это не новость, но позвольте предложить еще один вопрос, ваше высочество. Было бы вам неприятно, если б я поместил у себя именно этого Лагранжа?

Его взор выжидательно был устремлен на принца, и легкая усмешка появилась на губах.

Контти несколько сердито и в замешательстве ходил взад и вперед, потом внезапно обернулся и, взглянув на насмешливое лицо актера, слегка покраснел, но сейчас же расхохотался от всего сердца:

– Ну, конечно. Ха-ха, пускай он живет здесь.

– Вы позволите?

– Ну да, конечно.

– Вы понимаете, с какой целью я прошу вас об этом?

– Эх, мой милый, цели вы вашей не достигнете, а если и достигнете, то это будет хороший урок! Несмотря на это новое горькое разочарование, я... – Принц не договорил. – До свидания, любезный Мольер. Вы можете быть довольны тем, что своим обществом развеселили меня.

– Очень счастлив, ваше высочество, что моя болтовня разогнала вашу скуку.

Он поклонился и вышел.

Конти смотрел ему вслед с радостной улыбкой и удивлением.

– Ей-богу же, в этом маленьком, забавно грациозном существе скрывается великий человек! Поклен, ты прав, что сделался Мольером, актером. Иди же вперед! Да, этот тон и эта веселая мудрость – лучшее лекарство для моей души. Я хочу, чтобы этот дорогой цветок, расцветший в глуши, в нищете, принес свой плод. Может быть, этим я искуплю все дурное, что сделал в жизни. Ученики покойного Гасенди, актер и принц, должны быть друзьями на всю жизнь.

Глава VI. Неудача госпожи Кальвимон

Принц по-прежнему находился в самом дурном расположении духа. В нем все еще происходила внутренняя борьба, с той только разницей, что болезненная возбужденность уступила место тихой задумчивости. Он снова виделся с госпожой Кальвимон, и, казалось, будто дурное мнение, высказанное о ней Мольером, настроило принца на еще более нежный лад. Конти был в таком настроении, что предпочитал, скорее, быть заведомо обманутым, нежели причинить огорчение столь близкой ему особе. К общему удивлению, тот самый актер, которого принц принял сначала так неблагоприятно, стал его любимцем, беседу с которым он явно предпочитал обществу своих кавалеров. Но так как новый фаворит, несмотря на счастливую перемену судьбы, был по-прежнему скромен и соединял неистощимый юмор с утонченной вежливостью, то скоро он сделался любимцем и всех придворных. Остроты Мольера всегда имели характер добродушный и в них проглядывала какая-то задушевность, которая смягчала всю горечь насмешки. Принц никогда не чувствовал себя в лучшем расположении духа, как в то время, когда в его комнатах появлялось оживленное лицо актера, ставшего впоследствии столь незабвенным для всей Франции. Только госпожа Кальвимон не разделяла всеобщей симпатии и чувствовала ревность к этому неожиданному сопернику. Но она была слишком умна, чтобы выказать свое неудовольствие, и понимала, что, начав интригу против Мольера, она поставит на карту свое собственное счастье. Понятно, что эти обстоятельства чрезвычайно возвысили Мольера в глазах его труппы. Всякий старался угождать ему, а девица Бежар приняла самый нежный, заискивающий тон, чтобы загладить свое возмутительное поведение. Насмешливо посмеиваясь, Мольер простил всех, и был по-прежнему ласков и обходителен. Только относительно Мадлены он воспользовался своим положением и объявил, что примирится с ней на том условии, если она будет снисходительна к Арманде, этой странной, дикой девушке, которая выказала такую страстную привязанность к Мольеру. Приближалось время открытия собрания земских чинов, и по этому поводу предполагался целый ряд увеселений. Труппа Бежар должна была дать два представления, для которых были выбраны комедия Мольера и «Сид» Корнеля.

В день открытия собрания, когда Безьер и маленький городок Пезенас были переполнены духовенством, богатой буржуазией и старыми лангедокскими дворянами, которые приехали из своих родовых поместий с женами и детьми, Мольер занимался в кабинете Конти распределением празднеств. В первый раз после гражданской войны правительство собрало депутатов, чтобы обсудить вопросы, касающиеся нового устройства провинции, и принять надлежащие меры для уничтожения пагубных следов войны.

Победоносное правительство должно было выбрать в свои представители одного из знатнейших принцев и притом из числа тех, которые сами сражались против трех лилий. Все эти качества соединялись в особе Конти, выбором которого правительство ожидало возбудить к себе особенное доверие.

– Вы остались, ваше высочество, при прежнем решении, чтобы дамы не участвовали официально в празднествах? – говорил Мольер герцогу.

– Моя супруга не будет присутствовать на празднествах, стало быть, некому играть роль хозяйки.

– Чтобы не набросить некоторой тени на ее высочество, не следует ли госпоже Кальвимон также отказаться от участия в празднествах?

– Конечно, но она может присутствовать как зрительница.

– А на балу, который дворянство предполагает дать вашему высочеству в Безьере?

– Я буду один! Но все-таки в моем доме Флоранс – полная хозяйка. Я полагаю, что долг вежливости и деликатности заставит каждого отнестись к ней таким образом.

– О, несомненно! Но я посоветовал бы вам пригласить госпожу Серасин. Ее присутствие отвратило бы все неблагоприятные толки.

– Это верно, я приглашу ее.

– А что касается до... приезда ее высочества, вы не приняли еще окончательного решения?

– Нет еще! Да и как было решиться, когда я сам еще не знаю, чем кончится мое дело: останусь ли я здесь или нет?

Конти встал и тревожно заходил по комнате. В эту самую минуту дверь отворилась и вошел паж Лорен.

– Граф д'Аво приехал из Парижа и привез депеши. Господин президент де Бокер сопровождает его.

Принц побледнел.

– Проси обоих.

– Вы прикажете удалиться, ваше высочество? – спросил Мольер.

– Нет, останьтесь! Я не имею надобности скрывать от вас вполне заслуженную немилость, которая через несколько дней будет известна всем.

Вошли граф д'Аво и президент. В обоих проглядывала особая торжественность.

– Здравствуйте, господа, – сказал Конти. – Очень рад узнать наконец решение моего дела.

– Ваше высочество, – начал д'Аво, – я исполнил ваше поручение с величайшей радостью. Я представил ваше объяснение монсеньору кардиналу; но, к моему величайшему удивлению, все подробности этого дела были уже ему известны.

– Стало быть, я окружен шпионами, которые передают в Париж каждый мой жест! – воскликнул Конти. – Но продолжайте, прошу вас.

– После аудиенции у кардинала он сам повел меня к его величеству, у которого находилась королева-мать. Министры были также все в сборе...

– Пропустите все эти подробности, – прервал Конти, – сообщите мне результат!

– Его величество не только оставляет без внимания это неприятное для вашего высочества происшествие, но, напротив, находит, что ваши поступки в данном случае были проникнуты таким благородством, которое доказало, что двоюродный брат короля обладает всеми качествами, необходимыми для того, чтобы быть достойным представителем короны в Лангедоке. С особенной радостью вручаю вам собственноручное письмо короля, а также послание от вашей супруги, принцессы Марианны. Мне приказано пробыть здесь четыре недели и затем вернуться в Сен-Жермен. Герцог де Гиш остается адъютантом при вашем высочестве.

Принц был ошеломлен этим известием. Он никак не ожидал подобного исхода.

– Граф, – сказал он взволнованным голосом, – я убежден, что этим милостивым решением я обязан только вашему блистательному красноречию. Я ничем не могу отблагодарить вас, как только предложить вам мою искреннейшую дружбу, если она имеет какое-нибудь значение в ваших глазах.

Он с горячностью обнял графа.

– Надеюсь, мои дорогие друзья, вы не откажете мне в удовольствии отобедать со мною, а теперь я прошу у вас позволения удалиться часа на два, чтобы прочесть эти строки и немного успокоиться.

Президент и граф д'Аво вышли.

Принц остался один с Мольером. Конти задумчиво ходил по комнате и опустился в кресло около своего письменного стола. Случайно или с целью, он взял сперва письмо принцессы и распечатал его. Из конверта выпал портрет. Принц порывисто схватил его и долго, пристально всматривался. Наконец он стал читать письмо.

«Ваше высочество!

Вы исполнили данное слово, и в настоящую минуту я обладаю изображением того, кто принадлежит мне только по имени. Могу ли, смею ли благодарить вас?! О! нет! Я не буду обременять вас ни благодарностью, ни жалобами: их услышит только Он, Всемогущий, который распределяет судьбы человеческие таким непонятным для нас образом. Вы предложили мне один вопрос, на который я решаюсь ответить вам теперь.

Вы спросили, как это случилось, что я полюбила вас прежде, чем увидела. Принц, вы и не подозреваете, что я уже давно видела и знала вас. Когда я приехала в первый раз в Лувр, меня повели, разумеется, в картинную галерею, где в числе королевских портретов я видела и ваш. С первого взгляда я почувствовала влечение к вам. Пожалейте меня... Я проговорилась дяде о чувстве, которое вы внушили мне. Я часто горько плакала, думая о той непримиримой ненависти, которую вы питаете к человеку, ставшему моим вторым отцом и даже в припадке безумной гордости мечтала о роли примирительницы... Теперь вам все понятно? Не так ли?.. Вы найдете в письме мой миниатюрный портрет, сделанный Лебреном, который я решаюсь послать вам потому только, что, видя, как вы искренно сочувствуете горю и несчастью людей, совершенно посторонних, надеюсь, что вы не останетесь безучастны к моему.

Ваша Марианна Мартиноци, принцесса Конти.

Монастырь Святой Марии».

Сильно забилося сердце Армана, когда он снова взглянул на изображение своей молодой, прекрасной, покинутой жены. Долго не мог он оторвать своего зора от ее портрета, наконец он поднял голову и позвал к себе Мольера.

– Что вы думаете об этом портрете? – Его голос слегка дрогнул.

– Могу я быть откровенным?..

– Без сомнения!

– Такие черты могут быть только у прекрасной, благородной и... несчастной женщины.

Лицо же госпожи Кальвимон встречается у сотни хорошеньких женщин.

– Я не просил вас делать сравнений, мой любезнейший, – прервал его принц.

– Прогоните меня, ваше высочество, я вполне заслужил это наказание за свою глупую привычку говорить всегда правду!

Мольер поклонился и направился к двери.

– Нет, останьтесь!

Мольер остановился. Конти несколько раз прошелся по комнате.

– Скажите, Мольер, – начал он с некоторой нерешительностью, – вы не представляли Лагранжа госпоже Кальвимон?

– Нет, ваше высочество, это не мое дело. Я полагаю, что завтра в «Сиде» он сам представится.

– Очень рад, что не ошибся в вашей тактичности. Но если эта госпожа забудет, чем она мне обязана, то пусть пеняет за последствия на одну себя. До свидания, Мольер, через час мы увидимся! Теперь я хочу заняться этими депешами. Ах, еще два слова! Прошу вас, чтобы никто не знал о медальоне и письме моей супруги!

– Я буду считать за величайшее счастье сохранять секрет вашего высочества!

Принц улыбнулся и ушел в свой кабинет.

– Трагикомедия начинается, – прошептал Мольер, – остается только раздать роли актерам. – С этими словами он вышел из комнаты и, узнав в передней, где можно найти аббата, отправился прямо к нему.

Даниель сидел над книгами в своем ученом логовище, куда он прятался от ледяных взоров принца. Увидев Мольера, он бросился к нему навстречу.

– Здравствуй, Мольер! А я томлюсь тут от неизвестности. Д'Аво вернулся. Вы, верно, знаете, какие он привез известия?

– Принц остается губернатором Лангедока!

– Так я и думал! – прошептал Даниель.

– Кроме того, случилось еще нечто весьма знаменательное, возбудившее сильную борьбу в сердце принца, результатом которой могут быть большие перемены в этом доме.

– Что вы говорите, Мольер? О, не скрывайте от меня ничего! Не смотрите на меня как на бессердечного интригана, но как на орудие могущественной руки, которой я должен повиноваться.

– Все это я хорошо знаю и мог бы дать вам кое-какие советы, чтобы поднять ваш кредит у принца, но, согласитесь сами, это я был бы слишком простодушен, если бы откровенно доверил вам все, что знаю, не будучи уверен в вашей скромности.

Даниель слушал его в чрезвычайном волнении.

– Скажите бога ради, – умолял он, – что мне делать, чтобы заслужить ваше доверие?

– Во-первых, вы должны разъяснить мне как можно обстоятельнее, какая связь существует между вами и Мазарини, этой могущественной рукой, заставляющей вас действовать, и затем, какие земные блага – потому что едва ли какой-нибудь служитель церкви станет работать без этого условия – ожидаете вы от удачного исполнения возложенного на вас поручения, которое чуть было не расстроилось вследствие смерти Серасина.

– Я буду ясен, как огонь небесный, и краток, как прописная мораль. Мне поручено устроить согласие между принцем и его супругой и удалить Кальвимон; преуспею я в этом деле – первое вакантное место епископа будет служить мне наградой за труды.

– Ясно как день! Теперь я исполню свое обещание, но с маленькой оговоркой: вы должны принять на себя всю славу открытия того, что я сообщу вам, и оставить меня совершенно в стороне.

– Вот вам моя рука, Мольер! Пусть счастье навсегда изменит мне, если я забуду когда-нибудь свое слово!

– Ну слушайте же! Принцесса может исподволь готовиться к путешествию... в Пезенас.

– Это невозможно!

– Очень возможно! Принц получил письмо от принцессы и ее портрет. Он желает, чтобы это осталось тайной для всех.

– Ну!..

– Принцесса очень хороша, гораздо красивее Кальвимон, и я сказал это принцу.

– Неужели? И принц не рассердился?

– Его высочество перестал сердиться на правду с некоторого времени. Но все же нельзя отрицать, что мадам Кальвимон довольно соблазнительная женщина, как вообще все полные, белые блондинки с великолепным бюстом и темно-голубыми очами. Наш приятель Лагранж вполне разделяет это мнение.

– Лагранж?! Актер, живущий с вами. Это наводит меня на некоторые мысли...

– Ага! Я не преминул сообщить принцу, что Лагранж находит Флоранс восхитительной.

– И он не приказал вас вышвырнуть за дверь?..

– Ничуть не бывало! Он рассмеялся, и с тех пор... Лагранж живет в замке.

– О, какое драгоценное известие! Завтра же посылаю курьера к кардиналу с этим сообщением. О! Мазарини осыплет милостями того, кто будет содействовать счастью его племянницы. Надо поскорее представить его госпоже Кальвимон.

– Подождите завтрашнего представления. Я придумаю кое-что.

– Не правда ли, маленький Марсан очень глуп?

– Чрезвычайно!

– Но зато Лорен – хитрая штучка и имеет большое влияние на брата.

– Да, этот проныра составит себе блестящую карьеру со временем.

– Так шепните ему, что пора позаботиться о карьере.

Все дело в том, чтобы невинный ребенок проболтался в простоте души о том, что видел и слышал в будуаре голубоокой красавицы. Таким образом мы...

– Останемся в стороне, если мадам Кальвимон будет скомпрометирована, – перебил со смехом Даниель. – О, Мольер, вы незаменимый человек! Вам следовало бы быть дипломатом. Теперь мы отлично понимаем друг друга.

– Еще бы! Ведь профессии наши одинаковы.

– Это было бы дерзко, если бы не было так смешно, – засмеялся Даниель.

– Я всегда бываю дерзок и смешон в одно и то же время. Итак, завтра утром гонец скачет к кардиналу, вечером – представление, послезавтра – урок пажу, а затем все окончится, как в веселой комедии – свадьбами.

Наконец наступили давно ожидаемые празднества. В рыцарской зале замка Пезенас Конти в полной форме, сидя под бархатным балдахинном, усеянным лилиями, окруженный д'Аво, офицерами и придворными, открыл заседание речью, поразившей всех одушевлением и изяществом языка. Его царственная величавость, соединенная с чрезвычайной приветливостью, расположила к нему все сердца. Когда он прочел письмо короля, который возвращал депутатам все прежние права, давал городам новые привилегии, обещал полное возмещение военных издержек, все собрание огласилось неумолкаемыми криками: «Да здравствует Людовик XIV». Затем следовал торжественный праздник, на котором против желания Конти, но по настоянию д'Аво, присутствовали знатнейшие лангедокские дамы. Госпожа Кальвимон явилась в качестве приятельницы вдовы Серасин, которую принц представил под именем Пти де Прэ – титул, данный ей Мазарини.

Представлением всеми любимой трагедии Корнеля и иллюминацией города должен был закончиться этот первый счастливый день. Труппа Бежар отличилась по обыкновению. Мадемуазель Дюпарк в роли Ксимины, Тарильер в роли донна Гормаца были восхитительны. Лагранж превзошел сам себя и привел всех в самое романтическое настроение.

– Сцена Ксимины с Кампеадором – самая нежная и страстная, какую только может представить себе воображение, – со сверкающими глазами шепнула Кальвимон принцу. – Я бы желала, чтобы Лагранж повторил ее еще раз у нас в доме.

– Почему же нет? Вам стоит только приказать! Но едва ли дела позволят мне разделить с вами это удовольствие.

На следующий же день, когда принц отправился в собрание земских чинов, госпожа Кальвимон пригласила к себе Лагранжа с тем, чтобы он повторил перед ней прелестную сцену с Ксименой. Первый любовник был мастер своего дела, он говорил с таким увлечением, глаза его то сверкали огнем, то заволакивались томной негой, вся его игра была проникнута такой страстью, что даже маленький Марсан сидел, разинув рот, а искра, брошенная в сердце мадам Кальвимон, способной воспламениться так же, как соломенная крыша, разгорелась ярким пламенем. В это же самое время аббат Даниель читал пажу Лорену лекцию высшей лакейской дипломатии, к которой у молодого человека оказались блестящие способности.

– Да, мой сын, – говорил аббат, – молодой дворянин должен стремиться к тому, чтобы составить себе блестящее положение в свете, но он никогда не достигнет этой цели, если не будет пользоваться случаем, чтобы оказывать услуги своему покровителю.

– Я сам того же мнения, патер Даниель, – и если бы только вы сказали мне, как взяться за дело, то я убежден, что даже сам Мольер не превзошел бы меня в остроумии перед его высочеством.

– А, да ты, как я вижу, ревнуешь Мольера?

– Не только ревную, я ненавижу его. Ему стоит только показаться, чтобы принц развеселился, а когда он отсутствует, то третье слово его высочества непременно касается Мольера.

– Ого! Да ты не на шутку озлобился! Но, мое сокровище, советую тебе не слишком высказывать свое нерасположение. Да к тому же тебе вовсе не идет роль Мольера. Он служит принцу

своими талантами, за что тот щедро платит. Твоя задача совсем другая. Тебе нужно угадывать его сокровеннейшие желания, которые он стесняется высказать, но исполнением которых ты заслужишь его вечную признательность. Вот чего должен добиваться умный и хитрый паж.

Лорен смотрел с изумлением на своего учителя.

– Желания, которые стесняются высказать... – повторил он, как бы вдумываясь в смысл этих слов, – вечная признательность... Однако Серасин, желавший сослужить подобную службу, получил такую страшную награду, от которой я с удовольствием откажусь.

– Как ты прост, мой друг! Серасин был слишком глуп для подобной службы, потому-то он и пострадал. Ты же совсем другой человек. В настоящую минуту тебе представляется случай обделать такое дело, которое при удаче сделает тебя любимцем не только принца, но даже и самого кардинала, при неблагоприятном же исходе – останется без всяких дурных последствий.

– О, скажите мне, отец Даниель, в чем дело, и вы увидите, как Лорен превратится в лисицу, следующую за голубем.

– Ты, конечно, знаешь, что принц женился на племяннице кардинала?

– Да! Нинон много смеялась над этой свадьбой!

– Принц оставил жену в Париже, потому что был к ней совершенно равнодушен.

– Ха-ха! Мадам Кальвимон для него милее!

– Ого! Как ты проницателен! Ты меня скоро поймешь. Теперь чувства принца очень изменились. Жена начинает ему нравиться, и он с радостью увидел бы ее около себя...

– Но, к несчастью, госпожа Кальвимон также приходится ему по вкусу.

– Но если бы госпожа Кальвимон сделала в настоящую минуту что-нибудь не по вкусу принца, то...

– То... О, я понимаю! Принц рассердился бы, прогнал ее и мог бы беспрепятственно пригласить сюда свою жену. Это нелегкая задача... Надо, чтобы госпоже Кальвимон понравился кто-нибудь другой больше принца.

– Ты просто гений! Этот «другой» уже нашелся. Лагранж, игравший вчера в «Сиде», уязвил сердечко мадам Кальвимон, и в настоящую минуту он у нее.

– Как, уже?!

– И будет бывать очень часто!

– О, я велю Марсану следить за ними и пересказывать мне все до мельчайших подробностей, а потом буду сообщать вам!

– Не только мне одному, но даже... и его высочеству!

– Боже сохрани! Он сделает со мной то же, что с Серасином...

– Совсем нет! Ведь он смотрит на тебя как на ребенка!

Ты не должен только показывать, что рассказываешь ему проделки Кальвимон с какой-нибудь целью. Напротив, он должен быть вполне уверен, что ты болтаешь, как дитя, без всякой задней мысли. Если этот план удастся, то, повторяю тебе, ты станешь любимцем не только принцессы, но и самого кардинала.

– О, теперь я все понял!.. Если вы позволите мне уйти, то я отправлюсь сейчас же к Марсану и выведаю у него все, что он видел и слышал.

– Будь осторожен!..

– С братом нечего церемониться, ведь вы знаете, как он малопроницателен.

– Ну ступай и устраивай свое счастье, только не забывай пословицу: тише едешь, дальше будешь!

Вечером в тот же день лангедокские дворяне во второй раз собрались в замке. Давали комедию Мольера «Сумасброд».

Его триумф был полный. Роль Целии играла очаровательная блондинка Дебрие, горделивая Дюпарк восхищала всех в роли Ипполиты. Но лучше всех был Маскариль – Мольер, который превзошел всех своим неподражаемым комизмом.

На него были обращены все взоры и внимание публики.

Когда занавес упал, принц поспешил на сцену и при всех выразил свой восторг Мольеру и благодарность за доставленное наслаждение.

Далеко за полночь расстался принц со своими веселыми гостями. Он был сильно утомлен, но все-таки в отличном расположении духа. Фрипон, камердинер, и Лорен помогали ему раздеваться.

– Ну что, Лорен, – обратился принц к пажу, – как понравилась тебе сегодняшняя комедия?

– О, я в совершенном восторге, ваше высочество. Маскариль чуть не уморил меня со смеху. Вообще я люблю посмеяться, вот Марсан – совсем другой, – ему больше нравится трагедия. Он еще и сегодня плачет о Сиде, которого закололи вчера на сцене. Марсан говорит, что Лагранж еще лучше играл сегодня у госпожи Кальвимон, так что бедный мальчик целый день бредит сценой, где Сид объясняется в любви.

Конти стал серьезен.

– Ступай, Фрипон, Лорен поможет мне лечь спать.

Не забудь только разбудить меня пораньше.

Камердинер вышел.

– Так ты говоришь, что Лагранж повторил сцену из «Сиды» перед мадам? В котором часу он был здесь?

– Как только ваше высочество отправились в Безьер, Марсану приказали позвать Лагранжа.

– Брат не говорил тебе, почему эта сцена понравилась ему сегодня больше, нежели вчера?

– Нет, говорил. Ему показалось, что сегодня она была натуральнее. Лагранж стоял на коленях перед мадам и декламировал стихи, а мадам отвечала ему по книге. Но потом Марсана выслали из комнаты, потому что он мешал.

– Ну, еще бы!.. Знаешь, Лорен, расспроси хорошенько брата, как играл Лагранж у мадам и расскажи мне. Я слушаю с удовольствием твою болтовню, но другим нечего рассказывать эти глупости, потому что, заметь себе раз и навсегда, Лорен, что делается в будуаре дамы, должно оставаться в тайне.

– О, я с радостью буду рассказывать вашему высочеству, если только это доставляет вам удовольствие.

– Ты добрый и скромный мальчик. Ну, ступай теперь.

Конти вынул из шкафа небольшой пакет и отправился с ним в спальню. Лорен вышел из кабинета.

– Сегодня уже она позвала его, – задумчиво прошептал принц, – он стоял перед ней на коленях... Марсана выслали из комнаты...

Принц развернул письмо своей жены, в котором лежал ее портрет, долго вглядывался в ее черты и потом положил все вместе под подушку. Ему невольно пришли на память сцены из «Сумасброда», и он прошептал:

– Довольно мне ветреничать, неверность Кальвимон будет служить мне первым шагом к благоразумию!

Но как же это случилось, что госпожа Кальвимон была так неосторожна и решилась на свидание с Лагранжем, которое могло сильно скомпрометировать ее?

Дело в том, что она слишком надеялась на свое влияние и была убеждена, что любовь принца к ней никогда не остынет. Когда Конти женился на Марианне Мартиноци, Кальвимон была в страшной тревоге, в особенности же в день его возвращения в Пезенас. Но смерть Серапина дала ей полную уверенность, что принцесса никогда не станет для нее опасной соперницей, потому что чем больше подействовал на принца этот несчастный случай, тем ненавистнее сделались ему кардинал и его племянница, невольные виновники всего происшедшего. Как

большая часть суетных и самолюбивых женщин, Кальвимон тотчас же угадывала нежное чувство, возникшее в сердце мужчины, но никогда не замечала охлаждения. Она видела в своем высоком любовнике все того же человека, который мужественно стоял во главе Фронды против Мазарини, и приписывала перемену в его политических убеждениях силе обстоятельств и честолюбивой жажде власти. Недоступная сильным ощущениям, она, разумеется, не могла предположить, чтобы борьба, огорчение могли изменить сердце человека, дать другое направление его вкусам и желаниям. Инстинктивно она чувствовала некоторую неприязнь к Мольеру, но была очень далека от мысли, чтобы какой-нибудь бродячий комедиант мог возыметь влияние на принца и быть причиной ее падения. Лагранж сильно заинтересовал ее с первого раза, во время же представления «Сида» он окончательно очаровал ее. В первое же свидание она убедилась, что Лагранж безумно влюблен в нее. Это открытие сильно польстило ее самолюбию. Уверенная в своем самообладании, она смело пошла навстречу опасной игре в любовь. Но расчет ее был неверен. Противник оказался гораздо сильнее, чем она сама. Он знал все тайны соблазна и обольщения и, не чувствуя сам ни малейшего увлечения, видел в госпоже Кальвимон только выгодную для себя добычу и осторожно, холодно опутывал ее любовными сетями, так что, думая разыгрывать роль кошки, госпожа Кальвимон оказалась мышкой, попавшейся в когти самой бессердечной и неумолимой кошки. Все способствовало гибели бедной Кальвимон. Принц, аббат и Мольер почти никогда не были дома, Марсан был страшно глуп, и стоило сделать только несколько шагов по коридору, чтобы заняться изучением бессмертного Корнеля.

Несчастливая готовила свою погибель, сама того не подозревая.

Маленький Марсан был, однако, не настолько глуп, чтобы молчать о том, что видел. Лорен, как самый верный стенограф, передавал каждое слово принцу, а аббат Даниель, стоя за кулисами, руководил всеми действующими лицами.

Наступала зима, все толковали о предстоящих празднествах, которыми Конти хотел оживить лангедокское общество. Принц был чрезвычайно весел и, по-видимому, совсем не замечал неверности своей подруги. На самом же деле он отлично знал каждый ее шаг и, не чувствуя ни огорчения, ни малейшей ревности, убедился с удовольствием, что любовь его к этой женщине окончательно угасла. С другой стороны, он чувствовал себя все более и более виноватым перед женой, которая, давая полную свободу его чувствам, выбрала самый верный путь, чтобы овладеть его сердцем. Он ответил на письмо принцессы в самых дружеских выражениях. Между ними завязалась переписка, которая мало-помалу приняла вполне душевный тон. Он уже не задумывался над выбором между госпожой Кальвимон, которая отблагодарила его самым низким обманом за то, что он безраздельно отдал ей свое сердце и вывел из ничтожества, и прекрасной, благородной женщиной, которая из любви к нему безропотно переносила свое оскорбительное положение. Принц ожидал только, чтобы Кальвимон, усыпленная его доверием, окончательно забыла всякую осторожность со своим возлюбленным, чтобы тогда удалить ее, сохраняя свое достоинство и без всякой огласки.

Осенний сезон должен был закончиться балом, который лангедокское дворянство предполагало дать для принца.

В день бала его высочество стоял в зале, окруженный блестящей свитой, и собирался ехать. Вдруг, как бы припомнив что-то, он остановился и послал за Мольером. Тот немедленно пришел. Принц отозвал его в сторону.

— Я нахожу, что ваше новое произведение «Любовная размолвка» восхитительно. Я уже три раза прочел его. Мне бы хотелось, чтобы зимний сезон начался представлением этой прелестной комедии. А пока я прошу вас сочинить еще что-нибудь веселенькое и даже надеюсь отчасти помочь вам. Отчего бы мне также не попробовать свои силы? — Принц засмеялся.

— Я не понимаю вас, принц.

– Я говорю, отчего бы мне самому не сыграть комедии? Вас я приглашаю быть моим режиссером. Вы, конечно, не откажетесь. Я полагаю, что нам нечего откладывать это удовольствие в дальний ящик, начнем хоть сейчас! Слушайте! Вы останетесь в этом кабинете, пока паж Лорен не явится сказать вам, что пора начинать комедию. Видите из этого окна башню ратуши?

– Вижу!

– Когда Лорен придет к вам, то подайте из окна условный знак белым платком, на который вам ответят из башни таким же знаком. Тогда отправляйтесь к аббату и прикажите ему от моего имени надеть на себя полное облачение. Затем начнется настоящая комедия. Но пока никому ни слова!.. Прощайте!

Принц улыбнулся и вышел в сопровождении своей свиты.

Озадаченный Мольер подошел к окну и увидел, как принц и все его кавалеры сели на лошадей и поскакали в Безьер. Тысячи мыслей теснились в голове Мольера, но ни одна не объясняла ему загадочные слова принца.

Прошел час, нигде не было слышно ни малейшего движения. Скука начала одолевать Мольера. Вдруг раздались торопливые шаги, дверь отворилась, вбежал Лорен.

– Пора, пора! Он уже у нее!..

Мольер бросился к окну и начал махать платком. Из башни тотчас же ответили. Тогда он поспешил в комнату аббата.

– Скорей, отец Даниель, вставайте! Его высочество приказал вам немедленно облачиться. Поторопитесь!

– Зачем это?... Ведь принц уехал...

– Ну, отец Даниель, наше дело не рассуждать, а слушаться. Дело идет о какой-то комедии, но я и сам не знаю, в чем она заключается.

– Кальвимон играет тут роль?

– Я подозреваю, что да!

– О! В таком случае я уже готов!

Аббат схватил свое облачение и через несколько секунд был совершенно одет.

Прошло добрых полчаса. Они вышли из комнаты и остановились в коридоре, который вел в покои Кальвимон, и стали внимательно прислушиваться. Все было тихо.

Вдруг из комнаты Кальвимон донесся ужасный крик.

– Это ее голос! – прошептал аббат.

Вслед за тем в коридор поспешно вошел кавалер Гурвиль. Увидев аббата и Мольера, он пригласил их следовать за собой. Пройдя несколько комнат, они очутились в будуаре Кальвимон, где их взорам представилась самая удивительная сцена. На диване сидела Флоранс, закрыв лицо руками, и страшно рыдала, около нее находился Лагранж, бледный и трепещущий, а посреди комнаты стоял принц с Фаврасом и герцогом де Гишем.

– А, отец Даниель, мы вас ждем, а также и вас, Мольер, вы будете свидетелем. Не думайте, сударыня, – обратился он к Кальвимон, – что меня оскорбляет или огорчает открытие вашей измены. Как одно, так и другое сделало бы вам слишком много чести. Я уже давно знаю об этой унижительной интриге и выжидал только, чтобы она достигла того апогея своего развития, которым мы имеем случай только что восхищаться.

– О, монсеньор, это жестоко!.. – рыдала дама.

– Вот Мольер может подтвердить, что я с самого начала предвидел эту развязку и преднамеренно давал вам полную свободу действий, потому что, признаюсь, что давно уже хотел расторгнуть нашу связь. Господин аббат, соедините эту пару церковным благословением. Мы все будем свидетелями бракосочетания госпожи Кальвимон с господином Лагранжем!

– О, никогда, – воскликнула Флоранс, ломая руки, – я никогда не буду женой комедианта!..

– Я также не хочу жениться, – воскликнул Лагранж. – Эта дама кокетничала со мной!

– Как вам будет угодно, – возразил принц ледяным тоном. – Но предупреждаю, что вам остается только два исхода: или вы должны жениться и тогда получите пять тысяч луидоров, которые я даю в приданое мадам, или я немедленно прикажу позвать полицию, и вы оба будете взяты под арест.

– Боже! Какой позор! – вопила Флоранс. – Я на все согласна, только не заставляйте меня испытать еще новое унижение!

– Ну-с, что вы скажете, благородный трагик? – обратился принц к Лагранжу.

– Ваше высочество не шутя предполагаете выдать ей пять тысяч луидоров? – спросил он плачущим голосом.

– На другой же день после вашей свадьбы вы будете иметь удовольствие забавляться луидорами, если только супруга ваша позволит это занятие, потому что деньги будут принадлежать исключительно ей.

– Господин аббат! Так... согласен жениться на ней!.. – пробормотал обезоруженный Сид и протянул Флоранс руку.

Не поднимая заплаканных глаз, красавица приняла протянутую руку, и оба подошли к аббату.

– Вот вам два кольца, – обратился принц к аббату, снимая с руки два солитера. – Я желаю, чтобы благородная пара получила их в память об этой торжественной минуте. На сегодня, – продолжал принц, – эти комнаты останутся в распоряжении счастливой четы, но завтра же вы должны будете переехать за мой счет в Безьер. Вы, сударыня, можете взять с собой всю эту мебель. А вам, Лагранж, советую в другой раз не посягать на спокойствие женщин. Теперь прощайте!

Принц ушел с Фаврасом и де Гишем.

– Утешься, старый дружище! – обратился Мольер к Лагранжу. – Уж такова, видно, была твоя судьба. Помнишь, я не раз предсказывал тебе такую развязку?

– Оставь меня! Желаю тебе побывать в моем положении!

– Нет, уж я постараюсь отделаться от подобного счастья.

Мольер и аббат поспешили оставить счастливую чету.

– Ну, – шепнул аббат Мольеру, – теперь поздравьте меня с епископством!

Между тем бал в Безьере был в полном разгаре.

Никогда еще не видели принца таким оживленным и веселым, как в этот вечер. Но самый лучший сюрприз принц готовил публике под конец вечера.

За ужином принц сказал сидевшим около него кавалерам, но так громко, что все могли слышать его слова:

– Сегодня я присутствовал на свадьбе актера Лагранжа с Флоранс Кальвимон, моей бывшей управительницей. Я поспешил дать им мое согласие, потому что нужно будет приготовить замок к принятию принцессы Конти, которая осчастливит меня своим приездом нынешней зимой. Тогда я буду иметь честь представить вам мою супругу, которая, надеюсь, придаст моему дому тот блеск, которого он, к сожалению, не имеет в настоящее время.

Все были поражены. Принц наполнил стакан вином и предложил тост за благополучное прибытие принцессы, который был встречен единодушными возгласами: «Да здравствует принцесса Конти!».

На другой день рано утром Конти с Фаврасом, Гурвилем и Лореном были уже по дороге в Париж.

Глава VII. Счастливая чета

На улице Антуан, недалеко от ворот, между Бастилией и старым отелем Святого Павла находится монастырь Дочерей Святой Марии. Было часов пять пополудни, только что начали звонить к вечерне, как к воротам монастыря подъехала простая извозчичья карета, из которой вышел мужчина, плотно закутанный в плащ, и в шляпе, низко надвинутой на глаза.

Он подошел к калитке и позвонил.

В этом тихом, мирном убежище Марианна Мартиноци скрыла от людских взоров свою глубокую печаль. Здесь дни и ночи думала она о своем возлюбленном Конти. Правда, в последнее время она имела большую отраду в письмах мужа. Но могла ли переписка вполне удовлетворить сердце женщины, преисполненной такой страстной любви.

Звук колокольчика дошел до ее печального уединения, но она и не подозревала, что перед калиткой стоит тот, кого она воображала далеко от Парижа в объятиях соперницы. Стук в дверь прервал ее грустные размышления. Вошла настоятельница монастыря.

– Дочь моя, – сказала она, взяв Марианну за руку. – Я пришла сообщить вам, что вас желает видеть...

Принцесса вскочила.

– Мой дядя, кардинал? Или... может быть, посланный из Лангедока, – прибавила она с внезапной бледностью на лице.

– Нет, не посланный, дочь моя, а...

– Он, мой муж?... О, дорогая матушка, скажите мне, он в Париже? Он здесь... желает меня видеть...

Марианна дрожала всем телом.

– Да, принц Конти здесь и желает вас видеть.

– О боже!..

– Милая принцесса, вы так взволнованы, что не лучше ли было бы отложить это свидание до другого раза?

– О нет, нет! Как это возможно! Проводите меня к нему!

– Дочь моя, этот человек причинил вам столько страданий, что вы должны встретить его с достоинством и самообладанием, на которое едва ли способны в настоящую минуту.

– О, будьте спокойны, дорогая матушка. Я не сделаю ничего недостойного. Прошу вас даже присутствовать при нашем свидании.

– Я не могу быть при вашем свидании, потому что при моем сане неприлично слушать разговоры, подобные тому, который должен быть между вами. Я буду находиться в соседней комнате, и как только вы позвоните, немедленно явлюсь. Пойдемте, я провожу вас в приемную.

Настоятельница поцеловала молодую женщину и повела ее в приемный зал. Эта комната была разделена пополам высокой железной решеткой, завешанной плотной серой материей.

По другую сторону стоял Конти с поникшей головой.

Когда занавеска была отдернута и Марианна, то бледнея, то краснея, подошла к решетке, принц не узнал ее в первую минуту – она была в монашеском платье с черной вуалью. Он был так взволнован, что не мог выговорить ни слова.

Он молча протянул к ней свои руки сквозь отверстие решетки и страстно сжал ее холодные пальчики. Так стояли они несколько минут, не отрывая взоров друг от друга. Конти с восхищением смотрел на молодое, взволнованное лицо, на глубокие сияющие глаза. Неужели Конти только теперь увидел, как хороша его жена? Да! И он стыдился в глубине души, что был так слеп и несправедлив к этой прекрасной женщине.

Наконец он заговорил глубоко взволнованным голосом:

– О Марианна, видно, глубоко было мое падение, если мне нужно было такое тяжелое испытание, чтобы узнать, что я потерял, лишив себя вашего присутствия...

– Принц, не обманываетесь ли вы в чувствах, которые привели вас ко мне? Бога ради, будьте осторожны! Что же касается меня, то вы найдете во мне готовность безропотно исполнить все ваши желания.

– Дорогая Марианна, не мучьте меня этой пассивной покорностью! Я отнял у себя право быть вашим другом и советником, и мне осталось только, как нищему, выпрашивать прощение и сострадание к моему разбитому сердцу. Если в вас осталась хоть искра того чувства, которое я, недостойный, не сумел оценить, то умоляю вас – не отвергайте меня! Я заранее подчиняюсь всем условиям, которые вы захотите потребовать от меня!..

– Ваши слова, Арман, показались бы мне невероятными, если бы я не была отчасти подготовлена к ним вашими письмами. Мои чувства оставались неизменными – иначе и быть не могло. Но я боюсь, что шаг, который вы теперь делаете, не свободный поступок человека, почувствовавшего влечение к отвергнутой женщине, но чувство долга и сострадания, которое так свойственно вашей великодушной натуре. Подумайте, принц, не будете ли вы раскаиваться в вашей поспешности, которая может отравить и испортить всю вашу жизнь?

О, нет, нет, лучше навеки остаться здесь, чем быть во второй раз отвергнутой вами!..

Голос Марианны оборвался. Она едва держалась на ногах. Конти сильнее сжал ее дрожащие пальчики, как бы боясь, что у него отнимут это сокровище.

– Если бы вы могли читать в моем сердце, вы бы не отвергли меня с такой холодностью! Только вы, вы одна можете сделать меня счастливым... Я люблю вас, Марианна!.. Но и заслужил, тысячу раз заслужил свое несчастье! Я предчувствовал ваш отказ, я боялся ехать сюда, но у меня есть друг, который уверил меня, что вы не оттолкнете своего недостойного мужа. Но вы правы, я действительно не стою вашего прощения!.. Прощайте, Марианна! Мы больше не увидимся, я уеду, но не в Лангедок, а в такую же обитель, как эта, где, надеюсь, скоро окончу свое печальное существование!

Он страстно прижал ее руки к своим губам.

– Никогда, – крикнула Марианна, – я не допущу этого. Я вижу, что вы страдаете, и быть вашей утешительницей для меня уже величайшее счастье!

Она бросилась к колокольчику и позвонила. Вошла настоятельница.

– Отдайте меня ему, дорогая матушка, – вскричала Марианна, – я не могу оставить его.

Монахиня медленно отворила дверь в решетке, и Марианна бросилась к Конти, который принял ее в свои объятия.

– Да благословит вас Бог, дочь моя, – сказала настоятельница, – что бы ни случилось с вами в жизни – не забывайте, что эта обитель всегда открыта для вас!

– Благодарю... не считайте меня неблагодарной... – едва выговорила Марианна, горячо целуя монахиню.

Через несколько минут счастливый Арман заботливо усаживал жену в карету, которая покатила в квартал Сен-Андре к дому Конти. При приближении кареты вся прислуга высыпала на улицу, чтобы встретить принцессу, которая каждого из них награждала или ласковой улыбкой или приветливым словом.

– Любезный Фаврас, – сказал Конти, – прикажите приготовить городскую карету, мы отправимся к эминенции!

Он взял Марианну под руку и повел ее по амфиладе роскошных комнат.

– Дорогая Марианна, – сказал Конти, когда они остались вдвоем, – снимите теперь ваше мрачное покрывало и дайте мне полюбоваться этим ангелом, который дает мне такое незаслуженное блаженство.

Конти усадил жену в кресло и хотел снять с ее головы вуаль.

– Нельзя, Арман, – удержала его руки Марианна, – у меня распущены волосы, а я... хотела бы вам нравиться.

– Об этом вам не нужно думать, – прошептал Конти и начал бережно снимать вуаль. Он опустился перед ней на колени и с восторгом смотрел на прелестное лицо.

Да, Марианна действительно была хороша, в десять раз лучше и милее портрета, писанного Лебреном. Она обвила рукой шею мужа и прижалась своей разгоревшейся щекой к его лицу.

Так пробыли они долго, долго.

– Простите меня, Арман, – начала наконец Марианна, – если я предложу вам один вопрос. Он, конечно... но войдите в мое положение, ведь я похожа на слепого, который внезапно прозрел и не доверяет еще своим глазам.

– Спрашивайте, дорогая, спрашивайте о чем хотите...

– Видите ли, Арман, я страшная эгоистка. Мне хотелось бы безраздельно владеть вами, чтобы ваше сердце принадлежало мне одной. Поэтому я желала бы знать, осталось ли у вас хоть маленькое чувство к той...

Принцесса запнулась и спрятала свое лицо у него на плече.

– О, не вспоминайте об этой презренной женщине, которой я отдал лучшие годы своей молодости, – вскричал Конти. – Вы поймете все, если я скажу вам, что выдал ее замуж по ее собственному желанию.

– Простите мне эту женскую слабость. Больше вы не услышите от меня ни одного намека на эту женщину.

Но скажите, Арман, имя вашего друга, мне хочется выразить ему всю глубину моей признательности.

– Мне стыдно сознаться, что он прежде меня оценил вас и открыл мне глаза на эту бездушную женщину. Это был не кто другой, как Мольер, актер, товарищ мой по Клермонтской коллегии.

– Актер?!

– Да, Марианна, но какой актер! Это гений! Я убежден, что со временем он станет не только кумиром Франции, но одним из первых в числе знаменитостей нашего времени.

– Если только наша общая любовь и уважение смогут содействовать его славе. Когда вы думаете ехать?

– Если вы согласны, то хоть сегодня вечером. А теперь, моя дорогая жена, принарядитесь немного, и мы поедem к кардиналу, чтобы обрадовать его нашим счастьем!

– Я никогда не видела в глазах Мазарини слез, но сегодня он заплачет, – сказала Марианна.

Поздно вечером из ворот дома Конти выехала дорожная карета, в которой сидели принц и его жена. Гурвиль еще раньше поскакал вперед, чтобы заготовить по дороге квартиры.

Марианна угадала. Железный кардинал действительно прослезился при виде племянницы, и, когда она удалилась, долго и горячо молился о счастье своей любимицы.

Между тем весть о скором прибытии принцессы уже долетела до Безьера. Кардинал, как опытный дипломат, пустил в ход все средства, чтобы расположить общественное мнение в пользу своей племянницы. В ту же ночь были посланы курьеры с различными депешами. Вдова Серасина назначалась гофмейстериной при дворе принцессы. Аббат де Коспак получил место епископа. Но самое главное распоряжение состояло в пожертвовании 20 000 ливров на основание монастыря Дочерей Святой Марии для бесплатного обучения бедных девочек и в учреждении стипендий «Мартиноци» в старинном университете в Монпелье, для поощрения наук и искусств. Этого было достаточно, чтобы дворянство и буржуазия с восторгом встретили женщину, которая так благотворно влияла на своего страшного дядю. Когда же Марианна появилась рядом с Конти, и на лице ее вместо холодного спокойствия, некогда оттолкнувшего

принца, явилось счастливое, радостное выражение и чудная улыбка озарила ее благородные черты, всякий почувствовал к ней неотразимую симпатию. Пылкие натуры южан пробудились. Все наперерыв старались угодить принцессе и заслужить ее милостивую улыбку.

Когда кончился бал, завершивший пышную встречу первого дня, Конти остался вдвоем с Марианной в ее будуаре.

Они оба были так взволнованы, что долго не могли произнести ни слова, хотя сердца их были переполнены и им хотелось много и долго говорить друг с другом. Конти обнял гибкий стан своей возлюбленной и подвел ее к открытому окну. Перед ними расстился ярко иллюминированный город, но огоньки потухали один за другим, и скоро все погрузилось в глубокий мрак.

Но вот всплыл месяц и рассыпал свои серебристые лучи.

– Что говорит теперь ваше сердце, Марианна? – прошептал наконец Конти, заглядывая в ее глаза. – Сомневаетесь ли вы еще в моей любви?..

– О нет, нет, Арман, я не могу выразить всю беспредельность своего счастья... Я сожалею только о том, что подобные минуты едва ли могут дважды повториться в жизни...

– О, дорогая, разве глубокая взаимная любовь, искренняя дружба не есть величайшее благо в мире? Мы смело пойдем с тобой по жизненному пути и поставим себе задачей делать счастливыми всех, окружающих нас. О, моя милая, ты сделала меня совсем иным человеком! Я чувствую в себе небывалую силу и энергию. Я способен теперь на подвиг!

Марианна крепко сжала руку Конти. В глазах ее показались слезы.

– Знаешь ли что, Арман? Ведь я еще не видела твоего друга. Не грешно ли тебе так долго не знакомить меня с ним?

– Ты, конечно, говоришь о Мольере и совершенно напрасно обвиняешь меня. Он спешит закончить репетировать к завтрашнему дню свою новую комедию «Любовная размолвка» и потому никуда не показывается. Но, однако, пора тебе отдохнуть. Дай бог, чтобы ты встретила завтрашний день так же весело, как и сегодняшний.

Он порывисто обнял жену и вышел из комнаты.

На следующий день вечером давалась новая комедия Мольера «Любовная размолвка». Принц с принцессой и вся лангедокская знать собрались в театре. Хотя сюжет комедии и был заимствован из одной старой пьесы Никола, но под пером Мольера она получила столько комизма, игривости и оживления, что публика пришла в неописуемый восторг. Мольер и Жозеф Бежар, игравшие комические роли стариков Альберта и Полидора, были неподражаемо хороши. Принцесса сидела в немом изумлении.

– Послушайте, Арман, – воскликнула она наконец, – я горю нетерпением познакомиться с Мольером! Ведь это удивительный артист. Признаюсь, я думала, что ваше пристрастие к нему преувеличило его талант, но теперь я убедилась, что он составит эпоху во французском театре.

– Я предвидел твоё желание, Марианна, и пригласил его к нам ужинать. Как я рад, что он понравился тебе!

Когда молодая чета вернулась домой, стол уже был накрыт.

– Попросите скорее господина Мольера, – сказала принцесса Лорену.

Через несколько минут паж вернулся вместе с Мольером. Конти поспешил ему навстречу.

– Идите, Мольер, принцесса горит нетерпением видеть вас!

Марианна протянула Мольеру обе руки. Волнение и радость осветили ее прелестное лицо.

– Я не могу лучше выразить свою благодарность другу моего супруга, как попросив его стать также и моим другом.

– А я не могу лучше доказать мое глубочайшее уважение и признательность, как приняв ваше предложение, – ответил Мольер.

– Ну, знакомство состоялось! – воскликнул Конти. – Теперь, Мольер, прошу вас – отбросьте всякий этикет и пойдемте ужинать.

Маленькое общество отправилось в столовую и уселось за стол.

– Вы не можете себе представить, Мольер, – начала принцесса, – какое впечатление произвела на меня ваша игра. Мало сказать, что я пришла в восторг, – я была поражена, изумлена. Право, я предвижу для вас великую будущность. Вы станете со временем любимцем, гордостью Франции.

– О, ваше высочество, я могу принять вашу похвалу только как шутку.

– Напрасно, Мольер, я говорю совершенно серьезно. В прошлом году я имела возможность видеть всех театральных знаменитостей Парижа, красу нашей столицы: Корнеля, Рабле, Скаррона, Бурзальта и других. Я сравниваю их игру с вашей и знаете, в чью пользу сравнение?

– Тут не может быть никакого сомнения...

– Принимая во внимание ваше недоверие к своему таланту, я полагаю, что вы ошибаетесь. Я должна отдать справедливость, что все они люди талантливые, серьезно работающие, но я заметила в их игре какую-то неестественность, натянутость, постоянное старание производить эффект, что портит все впечатление. Сегодня я видела такую верную, правдивую игру, что если ее увидят в Париже, то театр, в котором играет Корнель, будет пуст, если в другом станет играть Мольер.

Лицо Мольера пылало, он с жадностью слушал принцессу.

– О, это невозможно... Это такая высота, о которой я не смею мечтать! Превзойти тех актеров, которым покровительствует сам король! Это невероятно!

– Напротив, очень возможно! Вы не знаете, Мольер, что, кроме Сида и других немногих героев древности, мы видели на сцене только арлекино, которые угощают нас такими пошлыми шутками, что, право, даже римская чернь постыдилась бы слушать их. Людей живых, настоящих людей мы так же мало видели на сцене, как мало похожи Мениже, Эвремон и другие академики на настоящих слуг науки. Поверьте, Мольер, ваше торжество в Париже несомненно! А мы уж позаботимся, чтобы вы добрались туда.

Мольер схватил руку принцессы и с жаром поцеловал ее.

– Вы поразили и осчастливили меня вашей похвалой, вы разбудили во мне те горделивые мечты, которые заставили меня некогда променять адвокатскую мантию на лоскутки комедианта, но, право, мне что-то не верится в возможность подобного счастья.

Между тем началась иллюминация на реке. Принц с принцессой должны были присутствовать на празднестве, даваемом в их честь собранием купцов. Мольер оставил замок и быстро направился в парк. Он был сильно взволнован. Голова его горела.

– Мне быть в Париже! Мне превзойти Корнеля! О, мечты моей юности! Неужели вам суждено сбыться... – шептал он в каком-то забытьи.

Долго ходил он по аллеям парка и очнулся, только когда солнце уже высоко стояло на небе.

Последствия этого дня были чрезвычайно благоприятны для Мольера. Несомненно, что сам принц Конти чувствовал к нему глубокую симпатию и позволял с ним такую фамильярность, которая, по тогдашним аристократическим понятиям, могла быть только следствием каприза человека, не знающего, как убить свое время. Но все же он относился к нему не как к гениальному человеку, заслуживающему удивления, а как к верному товарищу, в котором он не видел ненавистного для него лакейства и лъстивости. Совсем другое дело принцесса. Она видела в Мольере необыкновенный талант и обращалась с ним, как с равным себе. Похвала Мольеру была всегда на ее устах, и она даже ввела его в интимный кружок, который избрала для себя. Разумеется, такая милость не могла не возбудить ненависти, и, конечно, новому любимцу плохо бы пришлось от закулисных интриг, если бы не опасались раздражить его высоких покровителей. Паж Лорен и герцог де Гиш дорого поплатились за попытку оскор-

бить Мольера. Молодой герцог подзадорил Лорена, который и без того ненавидел Мольера, чтобы тот сыграл с ним какую-нибудь оскорбительную шутку на вечере у принца. На первом же балу Лорен отказался угощать Мольера вином, и когда Конти строго приказал ему исполнить свою обязанность, то Лорен с намерением облил все платье Мольера. Паж был немедленно удален из салона, а Мольера принцесса пригласила на танец: высокая честь, которой немногие могли добиться. Лорена отправили в Монпелье корнетом в кавалерийский полк, а когда стало известно, что и герцог де Гиш замешан в этой шутке, то ему был закрыт вход на все интимные собрания и его стали принимать только как официальное лицо. Взмешенный герцог немедленно подал просьбу об отставке и поскакал в Париж.

Два счастливых года до весны 1656 года провел Мольер в Безьере и потом в Монпелье, куда переехал принц Конти.

Эти два года были самым радостным, самым отрадным временем всей его жизни.

Мадлена Бежар, которая в прежнее время так мучила его ссорами и капризами, передала теперь в его руки все управление труппой. Гордая Дюпарк, увидев, что Мольер осыпан милостями, подарками и похвалами, сочла не лишним обратить на него свой благосклонный взор, и нежное сердце актера не могло устоять против ее очаровательных глаз. Большая часть жалованья Мольера пошла на прихоти красавицы, которая полунежно, полупрезрительно принимала его ухаживания и подсмеивалась над его вздохами. Между тем любимица Мольера, Арманда, также стала расцветать, и проницательная Мадлена сочла нужным сменить метод ее воспитания. Она принялась просвещать молодую девушку по части хитростей женского кокетства, и Арманда сделала удивительные успехи в этой науке. Что касается Кальвимон, то союз ее с Лагранжем оказался, против ожидания, чрезвычайно счастливым. Прекрасная Флоранс ревниво оберегала как талант, так и верность своего супруга, который должен был сказать «прости» всем своим любовным похождениям. Но в сердце ее все-таки гнездилась глубокая ненависть к Мольеру, которого она считала главным виновником своего падения.

Аббат Даниель давно уже отправился в свое епископство. Перед отъездом он дал обещание Мольеру, что употребит все свое влияние на Мазарини, чтобы труппе Бежар были открыты врата столицы. Но, разумеется, Мольер не обманулся в искренности этих уверений.

Но весной 1656 года два важных обстоятельства изменили весь ход событий. Срок заседаний земских чинов кончился. Все дворяне спешили разъехаться по своим поместьям. Пезенас совсем опустел. Празднества и спектакли прекратились. Вслед за тем приехали маршал де Брезе с герцогом д'Эперноном и передали принцу желание как Мазарини, так и его величества короля, чтобы Конти с супругой возвратился в Париж, где его присутствие было необходимо. Герцог д'Эпернон должен был принять на себя управление провинцией.

Это предложение, чрезвычайно лестное для самолюбия принца, было вызвано серьезными политическими комбинациями. Борьба с Испанией в Нидерландах продолжалась с обоюдным ожесточением. Счастье было то на стороне французов, находившихся под начальством Тюренна, то на стороне противников, предводительствуемых Конде, братом Конти, и Карлом Лотарингским. Мазарини решился заключить союз с Кромвелем против мадридского двора, пообещав последнему изгнать из Франции Стюартов, чего, впрочем, не исполнил.

Но даже и это средство, как ни сильно оно ослабило Испанию, не могло придать этой войне благоприятный для Людовика XIV оборот. Оставалось одно только средство – хитрость. Было известно, что Конти завидовал брату, который, будучи гораздо менее способным полководцем, достиг такого блестящего, почти королевского положения. С другой же стороны, все знали, что Конти горячо желал примирения со старшим братом и его возвращения из изгнания. На этих данных Мазарини построил целый план и решился привести его в исполнение. Конти должен был занять место в совете короля и, соединившись с де Брезе, сестра которого была замужем за Конде, перетянуть на сторону правительства Конде и Карла Лотарингского. Кардинал понимал очень хорошо, что, лишившись этих двух главных полководцев, Испания

будет поставлена в такое безвыходное положение, что согласится на мир, какой бы ценой он ни был куплен, хотя бы даже потерей Нидерландов. Все эти соображения и заставили Мазарини вызвать принца в Париж. Между тем в Безьере шли деятельные приготовления в дорогу. Мольер был как громом поражен, когда принц сообщил ему о своем отъезде. Опять приходилось приниматься за прежний бродячий образ жизни, исполненный лишений и всяких невзгод.

Вечером, накануне своего отъезда, принц послал за Мольером. Их высочества были одни. Всюду царствовал беспорядок, неразлучный с дорожными сборами. Как-то холодно и чуждо показалось Мольеру в этих комнатах, в которых он провел за два года столько счастливых минут.

– Приходится расстаться с вами, любезный Мольер, – начал Конти, – поверьте, что эта разлука нам не менее тягостна, чем вам.

– Но я надеюсь, что наша разлука продлится весьма недолго, – прибавила Марианна. – Я рассчитываю встретиться с вами в Париже.

– Ах, ваше высочество, человеку только раз в жизни удастся подняться на волнах счастья, и потом он снова и навсегда погружается на мрачное дно. События следуют одно за другим помимо нашей воли, и беспощадное время все предает забвению!

– Ну можно ли предаваться такой глупейшей меланхолии, – воскликнул Конти почти с неудовольствием. – Ведь это наконец обидно, что самые искренние наши убеждения ничего не стоят в ваших глазах!

– Неужели вы в самом деле имеете так мало доверия к нам, – сказала Марианна, ласково протягивая руку Мольеру. – И вы также разделяете общее мнение, что будто бы высокопоставленные лица недоступны чувству благодарности и дружбы? Нет, Мольер, вы для нас незабвенный человек, которому мы обязаны счастливейшими днями жизни!

– О, ваше высочество, вы совсем не так поняли мои слова. Я ни минуты не сомневался, что поговорка «с глаз долой – из сердца вон» не может быть применима к таким людям, как вы. Я уверен, что вы употребите все меры, чтобы перетянуть меня в Париж. Но между вашим желанием и исполнением будут стоять тысячи препятствий. Вы, конечно, можете расположить его эминенцию в мою пользу, но вы не властны отнять монополию Бурзольта на театры Бургонне и Марэ, дарованную покойным королем и кардиналом Ришелье. Да и было бы несправедливо пожертвовать любимцами двора и публики ради какой-то неизвестной провинциальной труппы!

– В таком случае оставьте труппу Бежар и поедemте вместе с нами! – воскликнула принцесса. – Вы скоро займете первое место в театре Бургонне, а со временем мы перетащим туда Тарильера и Лагранжа.

– Вот прекрасная мысль, – согласился Конти, – она устраняет все затруднения.

– Но одного не устраняет, ваше высочество, – моей совести! – грустно проговорил Мольер. – Вот уже одиннадцать лет, как я нахожусь в труппе Бежар. Мы переносили вместе и холод, и голод, и нищету, и довольство! Неужели теперь я должен купить свое счастье изменой этим людям, которые, вы сочтете эти слова за тщеславие с моей стороны, не в состоянии существовать без меня? Я сознаю, что поступаю глупо, безрассудно, отказываясь от такого блестящего предложения, но что же делать? Я предпочитаю быть глупым, нежели бесчестным.

Принцесса молчала. Она была, видимо, тронута.

– Я бы назвал ваш поступок в высшей степени благородным, – начал Конти, несколько задетый отказом Мольера, – если бы не видел, что он вытекает, скорее, из эгоизма, чем из доброго начала. При всем вашем таланте и неоспоримых достоинствах вы имеете один громадный недостаток – нежное сердце, которое в настоящее время совершенно предано Дебрие и Дюпарк. Признайтесь, что три четверти вашего заработка вы отдаете этим алчным женщинам за их далеко не искренние ласки и объятия, и вот теперь хотите испортить из-за них всю вашу карьеру.

– А если бы и так, ваше высочество, так разве же я первый делаю глупость из-за женщины? – спросил Мольер с легкой усмешкой.

– Но если вы умели спасти от этой слабости других, то отчего же вы не хотите помочь себе? – сказала Марианна с живостью.

Мольер вздохнул:

– Ах, ваше высочество, какой же доктор умеет лечить самого себя?

– Вы непреклонны, Мольер! Ну, бог с вами, делайте, как знаете. Но не забывайте только, что мы будем выжидать первого удобного случая, чтобы вытащить вас из провинции.

– Эта мысль будет поддерживать мое мученичество и напоминать, что и для меня когда-то блеснул луч счастья!..

– Я хочу еще оставить вам маленькое воспоминание о нас.

Марианна взяла со стола небольшую металлическую шкатулку и подала ему:

– Примите от нас на память эту шкатулку. Вы найдете в ней портрет моего супруга и мой и, кроме того, десять банковских билетов в две тысячи ливров каждый. Взамен этого подарка я прошу вас сделать мне одно маленькое одолжение.

Мольер был глубоко тронут добротой принцессы. На глазах его дрожали слезы.

– Приказывайте, принцесса!..

– Дайте мне честное слово, что только крайняя нужда заставит вас прибегнуть к этой шкатулке, что никто не будет знать о ее существовании. Мы даем вам эти деньги взаймы и вы должны будете вернуть их, когда станете знаменитым артистом.

Мольер упал к ногам принцессы и смог только проговорить:

– Да благословит вас Бог, чудная, несравненная женщина...

Рыдания заглушили его слова.

На другой день принц и принцесса уехали в Париж. В тот же день по дороге, ведущей в Монпелье, потянулся караван труппы Бежар, во главе его шел Койпо со своим неизменным ослом. Путешественники торопились добраться засветло до Монпелье и на другой же день предполагали отправиться далее. На всех лицах лежала мрачная тень, все жестоко ошиблись в своих надеждах попасть в Париж при покровительстве принца. Только две личности не сочувствовали, по-видимому, общему унынию – Мольер, который, спрятав на груди сокровище, подаренное принцессой, подтрунивал над гордой Дюпарк, и Арманда, которая была совершенно довольна, что началась снова кочевая жизнь. В ней уже сказывались цыганские инстинкты.

– Вот мы и опять в том же положении, в каком были два года назад, когда выехали из Лиона, – заметил Койпо, обращаясь к Мольеру.

– Ну что ж такое? Разве за это время у нас не было денег и удовольствий?

– Но зато теперь кошелек мадемуазель Бежар чертовски пуст!

– Мольер! На пару слов! – крикнула в эту минуту Бежар, сидевшая в экипаже рядом с пасмурной Флоранс.

Мольер подъехал к ней.

– Ну-с, я вам должна сообщить, что средства наши весьма плохи!

– Это не новость!

– Все это время ты играл роль любимца Конти и вследствие этого забрал в руки управление всей труппой. Мы смотрели сквозь пальцы на твое своеволие, надеясь попасть в Париж.

– Весьма разумно.

– Но мы жестоко обманулись. Принц без церемоний вышвырнул тебя за дверь, потому что ты надоел ему!

– Это в порядке вещей!

– Поэтому я вступаю снова в свои права как содержательница труппы и прошу не вмешиваться более в мои распоряжения. Если тебе это не нравится, то можешь убраться хоть сейчас.

Мольер расхохотался:

– Вот уж не верю, Мадленушка, чтобы ты могла со мной расстаться! Ты никогда меня не прогонишь!

– Ты, кажется, воображаешь, будто незаменим! А что как в самом деле я выдам тебе в Авиньоне твой паспорт и попрошу отправиться куда глаза глядят?

– Я только этого и жду!

– Чтобы я тебя прогнала? Ха-ха! Желала бы я знать, куда ты денешься?

Мольер насмешливо приподнял свою шляпу:

– Не далее, как вчера, принц Конти сказал мне: бросьте труппу Бежар и поедemте с нами в Париж. Вы будете любимцем парижской публики. Но я отвечал на это его высочеству, что никогда не покину своих товарищей. Или быть в Париже вместе с ними, или никогда не быть там! Понимаете ли вы это, восхитительная Мадлена? Если вы прогоните меня в Авиньоне, то я от души поблагодарю вас!

С этими словами Мольер ударил своего мула и снова подъехал к Койпо.

Мадлена покраснела как рак:

– Он не лжет, тут действительно что-нибудь да кроется! Нет, Флоранс, уж скорее я станусь с вашим мужем, если только вы не уговоритесь, но не отпущу Мольера. Я уверена, что через этого человека мы попадем в Париж.

Глава VIII. Тайные желания

Принцесса Конти заметила совершенно верно, что Париж 1645 года, виденный Мольером, чрезвычайно изменился после падения Фронды. Казалось, он спешил стряхнуть с себя вместе с прежней одеждой, нравами, обычаями и языком все дорогие воспоминания своей средневековой жизни.

Даже в непродолжительное, двухлетнее отсутствие Конти в столице произошла громадная перемена, которая поразила обоих супругов. На всем виднелись следы возрастающей и крепнущей королевской власти.

Французский двор и дворянство во все времена отличались чрезвычайной расточительностью. Аристократия по богатству и роскоши немногим уступала своим государям, а по древности и знаменитости своего происхождения считала себя совершенно равной королевскому дому.

Париж уже давно был резиденцией французских королей, законодателем моды и светских условностей для всей Европы. Платья, обычаи и нравы – все мало-помалу становилось предметом подражания для остальных народов.

При Марии Медичи и Людовике XIII французское дворянство носило довольно простой костюм: черный полудлинный кафтан из бархата или шелка, с узкими рукавами или же в пышных буфах, широкие панталоны, оканчивающиеся кружевной оборкой; короткие охотничьи сапоги, большой воротник из дорогих брюссельских кружев и поверх всего черный плащ, который не снимался даже в салоне. На голове, причесанной а ля Чарльз Стюарт, носили высокую шляпу с развевающимися перьями. Оружие состояло из длинной шпаги, а в руках обыкновенно держали палку с золотым набалдашником. Самые счастливые и горделивые воспоминания дворянства соединялись с этим костюмом. Он напоминал о Генрихе IV, об отчаянной гугенотской борьбе, о той крови, которая была пролита за сохранение своих прав и привилегий, подавляемых хитрой итальянской политикой. Эта черная одежда служила также отличительным знаком приверженности Фронде, между тем как противную партию называли по любимому цвету Мазарини «зелеными».

Но под всесокрушающим гнетом королевской власти исчезли гордые аристократы. Их место заняли лъстивые придворные. Вместе с ними появилась и новая одежда. Никто уже не одевался в черное, но покрой платья оставался все тот же. Мазарини, ум которого был занят столькими глубокими вопросами, некогда было придумывать новый покрой одежды. Реформы в государстве, обезоруживание врагов совершенно поглощали все его внимание.

С наступлением мира в обществе пробудилась жажда просвещения. Молодежь стала пробивать себе дорогу не мечом, а изящными манерами, привлекательным обхождением. Пошли в ход ученые, академисты, а вместе с ними и поклонение классическому миру. Роман «Кле-лиа» Гоноре Дюроре, «Гаргантюа» Рабле, элегии, сонеты и рондо Марота стали любимыми произведениями дворянства. А дом Рамбулье уже со времен Ришелье стал образчиком хорошего тона и вкуса. Посетители этого дома, как-то д'Обиньяк, Шаплен, Бальзак, Сен-Эвремон и барыни Скюдери, Севиньи, но более всего сама хозяйка, маркиза Рамбулье, ввели в употребление чрезвычайно высокопарный, надутый, риторический слог, как лъстивый царедворец, так и заклятый враг правительства ловко скрывали свои чувства и убеждения под напыщенными фразами. Все наперерыв стремились щегольнуть так называемыми в то время «*mots prescieux*». За изменением нравов и обычаев неизбежно должна была последовать смена костюма.

Королева-мать Анна Австрийская заметила наконец, к величайшему своему огорчению, что она становится с каждым днем все старше и старше. Так как все косметические средства были бессильны вернуть ей молодость, то она придумала другое, более действенное средство – омолодить своих двоих сыновей, короля Людовика и герцога Филиппа Анжуйского. С

этой целью она вместе со своей доверенной фрейлиной, мадам Ловэ, придумала для них новый, в высшей степени молодежавый и наивный костюм. Представьте себе подобное мужское платье: короткая юбка, не достигающая до колен, из голубого атласа, затканного серебром, собранная в пышные складки, наподобие нынешних кринолинов. К этому надевалась узкая маленькая курточка из розового, желтого или фиолетового атласа, также богато вышитая, с полудлинными рукавами, которая едва прикрывала тонкую батистовую сорочку с громадным жабо. На шею повязывался шарф из дорогих кружев. Длинные шелковые чулки завязывались около колен широкими шелковыми подвязками, называвшимися сапонами. Башмаки с бантиками, тоненькая шпага, берет с развевающимися перьями довершали костюм, который мог годиться разве только для балета или маскарада.

Теперь вся задача состояла в том, чтобы его величество согласился надеть этот костюм. Король Людовик XIV, хотя был еще девятнадцатилетним юношей и не выказывал ни малейшего желания принять на свои плечи тяжелое бремя управления государством, тем не менее уже успел продемонстрировать признаки глубокого ума, сильной воли и даже некоторой склонности к деспотизму. Несмотря на свою молодость, он уже успел изречь знаменитую фразу «Государство – это я», которая заставила многих призадуматься и рассеяла последние надежды либеральной партии. Людовик XIV был умен по природе и одарен чрезвычайным тактом. Трагическая смерть Карла I, политические тревожения его собственной молодости заставили его преждевременно созреть и развили в нем замечательную проницательность и скрытность, о которой не подозревали даже и ближайшие из его придворных. В обращении его выказывались врожденное величие и достоинство, соединенное с обворожительной грацией, и вместе с тем он был инстинктивно величайшим врагом всего смешного. Поэтому новый способ выражения так же, как и новая мода, были ему весьма не по вкусу. Но мало-помалу ему внушили, что новая речь наиболее способна возбудить в окружающих то глубокое уважение и смирение, которое подобает оказывать его высокой особе и заглушить прежний революционный дух, а принятие нового костюма будет служить лучшим доказательством, что малейшие и даже причудливейшие желания монарха делаются непреложным законом в глазах его подданных. Таким образом задела его слабую струну. Король согласился примерить новый костюм, и когда увидел, что он чрезвычайно идет ему и особенно хорошо подчеркивает стройность его стана, то судьба новой моды была решена. Примеру короля последовал весь двор, а за ним и вся парижская знать. Надеть короткую юбку и появиться в доме Рамбулье стало необходимым условием для всякого аристократа. Дамы, разумеется, не могли отстать от мужчин. Невероятная роскошь туалетов, богатство обстановки, утонченность развлечений достигли в скором времени невероятных размеров. Вот картина «новой эры», которая была в полном разгаре весной 1658 года.

Двор вернулся уже из Сен-Жермена, где оставался один только принц Анжуйский со своими приближенными. Впрочем, его отсутствие было вовсе незаметно. Он не пользовался расположением своего королевского брата.

Людовик XIV занимал Лувр, а королева-мать – Тюильри, который в то время соединялся с первым только большой южной галереей павильона Флора. В этом павильоне после приезда двора находились королева Анна и Мазарини. Пятидесятишестилетняя дама была чрезвычайно сдержанна со своим духовным поклонником, а кардинал, со своей стороны, демонстрировал не меньшую холодность. Пять лет прошло с тех пор, как они имели последнее свидание наедине, которое было чрезвычайно тягостно для обоих. Только серьезные обстоятельства могли принудить их к новому свиданию без свидетелей.

– Хотя мы, ваше величество, – говорил кардинал, – ничего не упустили из виду, что клонилось к успокоению страны и примирению с нашими врагами, как внешними, так и внутренними, но, к сожалению, нельзя отрицать, что ваши жалобы на неблагоприятное положение дел совершенно справедливы.

– Необходимо прибегнуть к энергичному средству, чтобы устрасить внутренних врагов и укрепить монархическую власть.

– Я совершенно согласен с вашим величеством, но где найти это средство? Может быть, вы уже придумали что-нибудь?

– Вы почти угадали... Я жду только вашего одобрения. Мне кажется, кардинал, что ввиду такого серьезного вопроса, как благосостояние целого государства, нам следует забыть наши личные неудовольствия, отбросить эту холодность, которой я была невольной причиной и... с прежним доверием и дружбой, – при этих словах королева сильно покраснела, – приняться за обдумывание этого вопроса!

– Не знаю, к чему вы затрагиваете прошлое? – отвечал Мазарини сухо. – Мне кажется, что я не раз доказывал свою готовность служить вашим интересам, даже в ущерб своим собственным. Мариетта Манчини в монастыре, остальные мои племянницы выданы замуж за противников правительства, чтобы служить орудием примирения. Самоотвержение, которое я выказал, не может сравниться ни с какими дальнейшими уступками. Если ваше величество предложит мне план, который может устранить все затруднения, дать мир и спокойствие стране, то вам нечего сомневаться в моем согласии!

– Дай бог! Я вижу одно только средство – вступление в брак его величества. – Анна Австрийская смотрела на Мазарини неуверенным взглядом.

– Вполне разделяю ваше мнение.

– И, разумеется, с принцессой королевской крови!.. – продолжала Анна.

– Это не подлежит никакому сомнению.

Анна пристально смотрела на кардинала.

– Мазарини, действительно ли это ваше мнение?

– В таком случае я не имел бы надобности удерживать его величество от некоролевского союза. Но продолжайте, ваше величество. Может быть, вы уже бросили взгляд на какую-нибудь принцессу, которая заслуживает чести надеть корону Франции?

Королева принужденно улыбнулась.

– Может быть, и ваш взор, кардинал, остановился на ком-нибудь?

– Не спорю, весьма возможно, что наши взгляды сходятся.

– Принцесса... Анна Стюарт достигла теперь пятнадцатилетнего возраста, королю девятнадцать!

Кардинал нахмурил брови.

– Я очень сожалею, что не могу разделить выбора вашего величества. Ни одна королевская фамилия в свете не имеет так мало данных, чтобы возвеличить дом Бурбонов, как Стюарты! По моему мнению, только один союз может принести желаемые результаты, это союз с Марией-Терезией, инфантой Испании!

Королева стремительно поднялась со своего места.

– Как! С дочерью Филиппа Четвертого, нашего отъявленного врага?! Человека, который безжалостно бросился на нас, как только начались смуты междоусобной войны! Мы должны избрать дочь того, с кем мы еще до сих пор воюем во Фландрии, чьи агенты до сих пор рыщут по Франции и пользуются малейшей возможностью, чтобы волновать народ?!

– Именно поэтому! – спокойно отвечал Мазарини. – Помните, государыня, ничем нельзя вернее погубить врага, как жаркими объятиями. Инфанта Терезия принесет в приданое дому Бурбонов мир и лучшую часть Нидерландов, а со временем, кто знает, может быть, и всю Испанию. Этот брак достоин внука Генриха Четвертого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.